

eISSN 2311-2468
Том 5, № 3. 2017
Vol. 5, no. 3. 2017

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ЗИНОВЬЕВА Е. А., ВАСИЛИШИН И. И.
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ
ДОЛЖНИКА И КРЕДИТОРОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА

Аннотация. В статье проводится анализ норм действующего российского законодательства в сфере банкротства граждан на предмет соотношения баланса интересов должника и кредиторов. Формулируются предложения, способствующие установлению такого баланса в ходе потребительского банкротства.

Ключевые слова: банкротство гражданина, потребительское банкротство, баланс интересов должника и кредиторов, освобождение гражданина от обязательств.

ZINOVIEVA E. A., VASILISHIN I. I.
BALANCING THE INTERESTS OF THE DEBTOR AND CREDITORS
DURING PRIVATE BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Abstract. The authors analyze the Russian private bankruptcy legislation to study the balance of interests of the debtor and creditors. Some proposals how to achieve this balance in the course of consumer bankruptcy are formulated.

Keywords: private bankruptcy, consumer bankruptcy, balance of interests of debtor and creditors, exemption from debts.

С 01 октября 2015 года вступила в силу новая редакция Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 года № 127-ФЗ, которая ввела в сферу правоприменения нормы о банкротстве гражданина.

Введение института банкротства гражданина в России породило множество дискуссий как ученых, так и практиков по различным вопросам, составляющим тематику так называемого «потребительского» банкротства.

Наряду с иными актуальными вопросами в сфере банкротства гражданина, вопрос о балансе интересов должника и кредиторов является одним из важнейших.

Проблема рассматриваемого соотношения обусловлена их несовпадением при осуществлении процедур банкротства. Конфликт и противоречие между финансовыми интересами несостоятельного должника и его кредиторов являются существенным элементом всякого дела о банкротстве. Более того, «практика неоднократно отмечала, что как только в отношениях банкротства возникает взаимная заинтересованность и исключается конфликт интересов, то возникают признаки злоупотреблений или криминального поведения в виде фиктивного или преднамеренного банкротства» [1; 3].

Учитывая неоспоримую значимость гражданско-правового института банкротства, в том числе потребительского, как для государства в целом, так и для отдельных субъектов экономической деятельности, а также рядовых граждан, вопрос о достижении баланса интересов должника и кредиторов в деле о банкротстве имеет существенное значение.

В научной литературе, исходя из критерия степени защиты интересов кредиторов или должника, выделяют пять моделей правового регулирования несостоятельности (банкротства): радикально прокредиторская (действует в Австралии, Англии, Израиле, Индии др.), умеренно прокредиторская (применяется, например, в Германии, Голландии, Канаде, Швеции, Японии), нейтральная (характерна для Дании, Италии, Чехии и некоторых др.), умеренно продолжниковская (прослеживается в законодательствах Бельгии, Греции, Испании, Португалии т.д.) и радикально продолжниковская (существует во Франции, США) [2].

На основе анализа норм действующего отечественного законодательства о банкротстве можно прийти к выводу о том, что в Российской Федерации применяется нейтральная направленность, при которой нормы права в равной мере нацелены на защиту интересов как должника, так и его кредиторов.

Нейтральная направленность действующего законодательства в сфере потребительского банкротства находит свое выражение в конкретных положениях Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О

несостоятельности (банкротстве)» и позволяет использовать достаточно серьезный арсенал правовых средств, способных запустить действие механизма соблюдения интересов как должника, так и кредиторов.

В частности, к правовым средствам, обеспечивающим защиту интересов должника, могут быть отнесены: возможность применения в деле о банкротстве процедуры реструктуризации долгов с установленными для такой процедуры последствиями в виде прекращения денежных обязательств, прекращения начислений неустоек (пени, штрафов) за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей; возможность заключения мирового соглашения на приемлемых для должника условиях; освобождение гражданина от обязательств после завершения расчетов с кредиторами, за исключением отдельных требований (по текущим платежам, о возмещении вреда, выплате заработной платы и выходного пособия, возмещении морального вреда, взыскании алиментов, а также иных требований, неразрывно связанных с личностью кредитора) и др.

Защита интересов кредиторов достигается следующими способами: опубликованием сведений в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина; правом кредиторов на ознакомление со сведениями об имуществе должника, его доходах, сделках с недвижимым имуществом, финансовых операциях за трехлетний период, предшествующий дате подачи заявления о признании гражданина банкротом, возможностью оспорить сделки, заключенные должником в указанный период времени; установлением законодателем условий, при которых освобождение гражданина от обязательств не допускается, например, в случае привлечения к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, непредставление необходимых сведений, или предоставление заведомо недостоверных сведений; исключительной компетенцией собрания кредиторов на принятие решения об утверждении или об отказе в утверждении плана реструктуризации долгов гражданина, внесении в него изменений; ограничением на распоряжение должником денежными средствами, находящимися на его счетах и во вкладах в кредитных организациях, на

совершение сделок в ходе процедур банкротства; правом на пропорциональное удовлетворение своих требований за счет денежных средств, вырученных от реализации имущества должника, составляющего конкурсную массу и т.д.

Наряду с указанными способами защиты прав кредиторов, участвующих в деле о банкротстве, законодателем предусмотрены меры, направленные на защиту интересов потенциальных кредиторов посредством установления судом на определенный срок негативных последствий для должника, как то: запрет на определенный срок на принятие на себя обязательств по кредитным договорам и договорам займа без указания на факт своего банкротства, на возбуждение нового дела о банкротстве, на занятие должностей в органах управления юридическим лицом (участие в управлении юридическим лицом иным образом).

Из изложенного усматривается стремление законодателя к максимально возможному установлению баланса интересов в делах о потребительском банкротстве.

На необходимость при рассмотрении дел о банкротстве граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, обеспечивать справедливый баланс между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника, указано судам Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» (п.39) [3].

При этом очевидно, что решение задачи установления баланса интересов должника и кредиторов в деле о банкротстве гражданина самым тесным образом связано с правильным применением такой специфической для данного института правовой конструкции, как освобождение гражданина от обязательств после завершения расчетов с его кредиторами.

Учитывая особенности субъектного состава в делах о потребительском банкротстве, реализуя функцию обеспечения гражданину достойной жизни, введение законодателем в сферу правоприменения указанной конструкции является необходимым.

В то же время представляется, что подход к вопросу об освобождении гражданина, признанного банкротом, от дальнейшего исполнения требований кредитов, должен быть более гибким. Например, не вызывает сомнений обоснованность освобождения должника от обязательств в ситуациях, при которых кредиторы являются предпринимателями, а долговые обязательства гражданина возникли на основании сделок, заключенных с такими кредиторами в ходе осуществления последними предпринимательской деятельности. Ведь в силу своей неопределенности предпринимательская деятельность неизбежно связана с риском, следовательно, при вступлении в гражданские правоотношения такие участники гражданского оборота обязаны проявлять разумную осмотрительность.

Рисковый характер осуществляемой деятельности оправдывает возникновение у кредиторов-предпринимателей возможных убытков, связанных с освобождением должника-гражданина от своих обязательств после завершения расчетов с кредиторами.

К иному выводу можно прийти применительно к правовым отношениям, вытекающим из сделок, заключенных должником с иными гражданами, не осуществляющим предпринимательскую деятельность. В данном случае возможность должника освободиться от обязательств перед гражданином-кредитором, например, по заключенным неисполненным договорам займа, будет противоречить как правовым нормам об исполнении обязательств (ст. ст. 309, 310 Гражданского Кодекса Российской Федерации), так и отдельным положениям основного закона – Конституции Российской Федерации (ч.2 ст.6, ч. ст. 17, ч.1 ст. 19).

В рассмотренной ситуации дисбаланс прав и законных интересов должника и кредитора (в пользу должника) в процедуре банкротства гражданина на лицо.

В данной связи представляется верной точка зрения авторов, которые считают, что защите должны подлежать, в первую очередь, интересы лиц, обладающих правами, а не тех, кто допустил их нарушение. «С этой точки зрения (в идеале) должник вообще не должен защищаться правом. Можно

говорить лишь об отсрочке исполнения, учете имущественного положения должника и других способов смягчения для него последствий недолжного исполнения, применяемых в исключительных случаях и обусловленных особыми социальными условиями» [4, с. 236].

Указанная позиция актуальна не только для отношений, связанных с банкротством юридического лица, в ряде случаев она должна применяться и к отношениям, вытекающим из потребительского банкротства.

Трудно согласиться с мнением ряда ученых в части того, что правовая природа потребительского банкротства в Российской Федерации определяется общей стратегией реабилитационной направленности процедур банкротства граждан, наличием социально-значимых экономико-хозяйственных целей освобождения граждан от финансовой зависимости перед их денежными кредиторами, социальной значимостью механизмов освобождения граждан от обязательств как способа обеспечения конституционных прав на достойную жизнь, охрану достоинства личности, и что является общепризнанным «одно из главных предназначений всей системы механизмов банкротства граждан – оказание помощи должнику» [5].

Дальнейшее развитие взглядов в данном продолжниковском направлении может привести к снижению ценности самого института банкротства, невозможности эффективно решать поставленные перед ним задачи. Кроме того, продолжниковская направленность механизма потребительского банкротства, неизбежно увеличит риски банков, связанные с возвратностью кредитов, и повлечет стоимость кредитных ресурсов, что негативно повлияет на уровень жизни граждан, включая добросовестных заемщиков.

Отсутствие гибкого подхода при разрешении вопросов об освобождении должника от исполнения обязательств по итогам завершения расчетов с кредиторами будет стимулировать кредиторов к использованию полукриминальных способов взыскания долгов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Из указанного следует, что подход законодателя к разрешению вопроса об освобождении должника-банкрота от

исполнения обязательств должен комплексно выстраиваться на обоснованности, равенстве перед законом одинаковых по статусу лиц, разумной избирательности и социальной справедливости.

С целью формирования более гибкого подхода к вопросу об освобождении должника от исполнения обязательств и достижения оптимального баланса интересов должника и кредиторов представляется необходимым внести в действующее законодательство о банкротстве следующие изменения:

- после завершения расчетов с кредиторами при недостаточности у должника имущества не освобождать его от неисполненных обязательств перед гражданами-кредиторами, если такие обязательства не связаны с осуществлением кредиторами предпринимательской деятельности;

- при разрешении вопроса об освобождении гражданина-банкрота от исполнения обязательств перед кредиторами учитывать критерий добросовестности должника, степень исполнения (неисполнения) им обязательств, его трудоспособность;

- в связи с тем, что при банкротстве не подлежит реализации жилье должника, являющееся для него единственным местом жительства, предусмотреть возможность продажи данного объекта недвижимости при условии предоставления гражданину, признанному банкротом, жилой площади в соответствии с установленной социальной нормой и с учетом законных интересов иных лиц, проживающих в жилом помещении.

Реализация сформулированных предложений могла бы повысить эффективность потребительского банкротства, способствовать развитию хозяйственно-правовых связей и активности субъектов экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карелина С. А., Фролов И. В. Концепция моделей правового регулирования института банкротства гражданина в Российской

Федерации // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2016. – № 3. – С. 2-6.

2. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. – М.: Проспект, 2009. – 432 с.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 12. – С.13.

4. Хохлов С. А. Концептуальная основа части второй Гражданского кодекса // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. – М.: Междунар. центр финансово-экономического развития, 1996. – 704 с.

5. Губин П. Е., Смирных А. Г. Банкротство граждан: установление баланса интересов должника и кредитора // Предпринимательское право. – 2010. – № 4. – С. 35-38.

ЛЕОНТЬЕВ А. В., ЛЕЗИНА Е. П.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА «МЗДОИМСТВО» В РОССИИ В ПЕРИОД XIV-XIX ВВ.

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы криминализации «мздоимства» в России в период XIV-XIX вв. Авторами выявлены наиболее эффективные уголовно-правовые меры по борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: мздоимство, коррупция, взяточничество, антикоррупционная политика в истории России.

LEONTYEV A. V., LEZINA E. P.

THE HISTORY OF CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION IN RUSSIA OF XIV-XIX CENTURIES: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Abstract. The article considers the main stages of criminalization of bribery in Russia in the period of XIV-XIX centuries. The authors identify the most effective criminal law measures to combat corruption.

Keywords: bribery, corruption, anti-corruption policies in Russian history.

На протяжении нескольких веков проблема взяточничества является актуальной для многих стран мирового сообщества. В России эффективность борьбы с коррупцией носит циклический характер, в связи с чем предлагаем рассмотреть с ретроспективной точки зрения тенденции криминализации в отечественном уголовном законодательстве института мздоимства (получения взятки). Считаем, что является верным выражение выдающегося ученого-юриста в области уголовного права Н. С. Таганцева: «Если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, то есть те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [1, с. 21].

«Мздоимство» упоминается еще в русских летописях XIII в. Первое упоминание о посуле (незаконном денежном вознаграждении за осуществление официальных властных полномочий в Древней Руси) прослеживается еще в законодательстве Древней Руси, а именно в Двинской уставной грамоте 1397-1398 гг. Двинская уставная грамота 1397-1398 гг. выдавалась боярам двинским, сотским и всем черным людям Двинской земли. С. В. Максимов ссылается на ст. 6 вышеназванного документа, в которой устанавливалось: «А самосуда, четыре рубля; а самосуд, то: кто изымав татя с поличным, а посул себе возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд; а прочь того самосуда нет» [2, с. 181].

В статье идет речь о незаконном присвоении потерпевшим от кражи судебных полномочий (самосуде). При этом самосудом признается незаконное получение денежной компенсации, причитающейся наместнику, на которого возлагалось осуществление правосудия [3, с. 8].

Первым легальным проявлением взяточничества явилось кормление – древнерусский институт направления князем своих воевод, наместников в провинцию без денежного вознаграждения, с тем чтобы они «кормились» (содержались) населением соответствующей территории [4, с. 86]. Воеводы на местах выполняли функции исполнительной и судебной власти, и при этом злоупотребляли своими полномочиями, бессовестно брали вознаграждения, вымогали у жителей приношения, наживались на народной нужде. Они, как правило, назначались на два года, но вместо того, чтобы управлять, большей частью стремились обогатиться в течение этого срока.

Не лучшим образом обстояли дела в судебной системе государства. Взяточничество среди судей при осуществлении своих полномочий приобрело такой массовый характер, что в Судебнике 1497 г. была впервые установлена уголовная ответственность за получение взятки судьями. Чрезвычайная продажность судей служила серьезным препятствием для осуществления судебного равенства [4, с. 87-88].

Первым эффективным борцом с коррупцией на Руси можно считать Ивана IV Грозного. В период царствования Ивана Грозного система кормления была признана неэффективной. И поэтому в 1556 г. кормление было официально отменено, деньги, которые шли кормленщикам, отныне взимало государство в качестве налога. В Судебнике 1550 г. Появилось наказание за взяточничество – смертная казнь. За время правления Ивана Грозного, впервые уровень коррупции в стране резко сократился. В архивах сохранилось множество свидетельств реального антикоррупционного оздоровления общества, в том числе переписка «государевых людей» тех лет, в которых они резко отвергают всякую возможность получения «податей» и различных «угощений» от люда мирского [5, с. 50].

К периоду правления Алексея Михайловича Романова относится практически единственный народный антикоррупционный бунт 1648 г., который закончился пожарами и гибелью мирных жителей. Для умирения волнений царем Алексеем Михайловичем были казнены два высокопоставленных коррупционера – глава Земского приказа Плещеев и глава Пушкарского приказа Траханиотов [5, с. 50].

В принятом в 1649 г. Соборном уложении нашли свое отражение вопросы уголовной ответственности за мздоимство и иные формы проявления корыстных злоупотреблений по службе. Статьи 5 и 7 Соборного уложения предусматривали уголовную ответственность за принятие вознаграждения должностными лицами судебных органов, а статья 6 расширяла круг субъектов, подлежащих ответственности за получение взятки, то есть к ним стали

относиться и лица, которые выполняли те же функции, что и судебные чиновники. Она установила: «Да и в городах воеводам и диаком и всяким приказным людям за такие неправды чинити тот же указ» [6, с. 201].

В царствование Петра I впервые было осознано, что коррупция является злом для государства, подрывает бюджет страны и разлагает общество. Петр начал вести активную борьбу против коррупции.

Учитывая масштабы взяточничества в стране как наиболее опасной формы корыстного злоупотребления по службе, указом от 23 августа 1713 г. Петр I ввел, наряду с получением взятки, уголовную ответственность за дачу взятки. Указ гласил: «Для предотвращения впредь подобных явлений велю как взявших, так и давших положить на плаху, и от плахи подняв, бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов с женами и детьми и объявить во все города, села волости: кто сделает это впред, тому и объявить во все города, села волости: кто сделает это впред, тому быть в смертной казни без пощады» [7, с. 183].

24 декабря 1714 г. Петр I издает новый указ, ужесточивший наказание за совершение корыстных злоупотреблений по службе должностными лицами органов государственной власти и управления. Указ ввел уголовную ответственность за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по службе и за недонесение о совершении этих преступлений [7, с. 183].

Даже введение в 1713 году нормативного акта, по которому лицу, заявившему на коррумпированного чиновника, доставалось все движимое и недвижимое имущество этого лица, а в случае если это сделает достойный гражданин, то ему доставался и чин лица, злоупотребляющего по должности, не стали переломными в борьбе со взяточничеством.

Многие из видных сподвижников Петра находились по обвинению во взяточничестве под судом и были наказаны денежными взысканиями, а некоторые – казнены. Сибирский губернатор князь М. П. Гагарин в 1721 г. за служебные злоупотребления был повешен; петербургский вице-губернатор Корсаков пытан и публично высечен кнутом; два сенатора подверглись публичному наказанию; вице-канцлер барон П. П. Шафиров снят с плахи и отправлен в ссылку; А. А. Курбатов, будучи в 1711 – 1714 гг. вице-губернатором Архангельска, был обвинен во взятках и казнокрадстве и предан суду; один следователь по делам о казнокрадстве расстрелян. Однажды в Сенате, выведенный из терпения этой повальной недобросовестностью, Петр I хотел издать указ вешать всякого чиновника, укравшего хоть столько, сколько нужно на покупку веревки. Тогда блюститель закона, «око государево», генерал-прокурор П. И. Ягужинский встал и сказал: «Разве ваше величество хотите царствовать один, без слуг и без подданных? Мы все ворует, только один больше и

приметнее другого» [8, с. 201]. Конечно, Петр I осознавал, насколько трудно очистить столь испорченную атмосферу одной грозой закона, как бы суров он ни был, и нередко вынужден был прибегать к более прямым и коротким способам.

Кроме того, Петр I, как никто другой из российских монархов, уделял значительное внимание личному практическому участию в уголовном судопроизводстве, в том числе на стадиях досудебного разбирательства, периодически выступая, в современном понимании, в роли следователя.

Необходимо отметить, что порядок непосредственного участия главы государства в уголовном процессе в законодательстве России конца XVII - первой четверти XVIII в. регламентировался лишь фрагментарно. Прежде всего следует упомянуть о подборке законодательных актов 1700 – 1718 гг., устанавливавших особый порядок судопроизводства по делам о государственных преступлениях и о преступлениях против интересов службы, в которых предусматривалось личное участие главы государства в возбуждении таких дел. Причем это высочайшее участие обуславливалось непосредственным обращением подданных [9, с. 51-52].

Последний законодательный акт Российской империи, действовавший в полном объеме, – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 и 1885 гг.) предусматривал два вида получения взятки – «мздоимство» и «лихоимство».

Ст. 401 предусматривала ответственность за «мздоимство» чиновника или иного лица, состоящего на государственной или общественной должности, который по делу или действию, касающемуся обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чем-либо нарушения своих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином. В статье 402 речь шла об ответственности за «лихоимство» – получение взятки для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы. Высшей степенью лихоимства признавалось вымогательство взятки (ст. 406) [4, с. 91].

Таким образом, эффективно бороться с «мздоимством» в истории России удавалось только путем применения «репрессивного» (карательного) законодательства. На сегодняшний день, когда Россия находится на пути становления как правового государства, национальное законодательство должно соответствовать данному пути развития, что исключает применение карательного законодательства по борьбе с коррупцией. В рамках гражданского общества противодействовать коррупции должны не только правоохранительные органы, но и общественные институты при наличии соответствующих полномочий. В связи с этим немаловажную роль играет такая гражданская позиция, при которой общество нетерпимо относится к проявлениям коррупции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. – Тула: Автограф, 2001. – 800 с.
2. Двинская уставная грамота 1397-1398 гг. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1985. – 348 с.
3. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. – М.: ЮрИнфоР, 2008. – 255 с.
4. Торопов А. И. История законодательства об ответственности за взяточничество в Российской империи // Адвокат. – 2008. – № 9. – С. 86-92.
5. Каськов И. В. Борьба с коррупцией в таможенных органах: исторический опыт и современность // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы III междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, дек. 2014 г.). – СПб.: Заневская площадь, 2014. – С. 49-51.
6. Российское законодательство X-XX веков. Т. 2 / под общ. ред. А. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.
7. Мизерий А. И. История борьбы с коррупцией в России // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2001. – № 2. – С. 182-189.
8. Ключевский В. О. Исторические портреты. – М.: Правда, 1990. – 624 с.
9. Серов Д. О., Федоров А. В. Петр I как следователь // Российский следователь. – 2016. – № 3. – С. 50-56.

СУХОВА О. А., САРГАЕВА Т. Ю.

**ПРЕНИЯ СТОРОН В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ И ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В НИХ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ**

Аннотация. В статье анализируются проблемы законодательной регламентации и фактического проведения прений сторон в суде апелляционной инстанции по уголовному делу. Авторы приходят к выводу о том, что законодательно и практически судебные прения в суде апелляционной инстанции сведены к формальной процедуре, что умаляет суть и назначение стадии апелляционного производства, нарушает принцип состязательности сторон. При этом более уязвимой является сторона защиты. Считая судебные прения неотъемлемой частью судебного разбирательства в апелляционном порядке, гарантирующей его состязательность, авторы предлагают пути разрешения выявленных проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, апелляция, прения сторон, судебное следствие, сторона защиты.

SUKHOVA O. A., SARGAEVA T. YU.

PARTICIPATION OF THE DEFENSE

IN APPEAL COURT PLEADINGS IN A CRIMINAL CASE

Abstract. The article analyses the legislation and the actual pleadings in the court of appeal in a criminal case. The authors conclude that legally and practically pleadings in the court of appeal are reduced to a formal procedure that diminishes the importance of appeal and violates the adversarial principle. The study shows that the defense is more vulnerable than other participants of the criminal trial. Considering the pleadings an integral part of the appeal trial providing its competitiveness, the authors suggest some ways to solve the identified problems.

Keywords: criminal trial, appeal, pleadings, judicial investigation, defense.

Прения сторон в суде апелляционной инстанции являются неотъемлемой частью судебного разбирательства в апелляционном порядке, гарантируют его состязательность и состоят из речей участников обеих сторон по результатам проведенного судебного следствия. Несмотря на то, что производство в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35 – 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ) [1], специфика апелляционного производства не может не сказываться на порядке проведения судебных прений в рамках этой стадии уголовного процесса.

В соответствии со ст. 389.14 УПК РФ прения сторон в суде апелляционной инстанции проводятся в пределах, в которых уголовное дело рассматривалось в апелляционном

порядке; при этом первым выступает лицо, подавшее апелляционные жалобу или представление.

Иными словами, в отличие от производства в суде первой инстанции, при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке первой в прениях выступает сторона, обжаловавшая приговор или иное судебное решение. При этом УПК РФ не определяет, в какой последовательности должны произноситься речи в судебных прениях при условии, если поданы апелляционные жалобы (представления) несколькими участниками по делу, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, и они явились в заседание суда апелляционной инстанции.

В уголовно-процессуальной литературе, как правило, верно отмечается, что в этом случае первой должна выступать сторона обвинения (государственный обвинитель, потерпевший и т.д.) [2, с. 45; 3, с. 131; 4, с. 125; 5, с. 106]. Учитывая, что речь идет о стадии апелляционного производства, связано это не с тем, что сторона обвинения должна первой представлять доказательства, а соответственно, первой высказывать суждения о результатах судебного следствия, как, например, полагает И. С. Сеничева [5, с. 106]. Учитывая специфику судебного следствия в рамках апелляционного производства, исходя из ч. 5, 6.1, 7 ст. 389.13 УПК РФ, оно вполне может быть сведено к формальной процедуре и проводиться без непосредственного исследования доказательств.

Между тем, согласно ст. 292 УПК РФ, последовательность выступлений участников прений сторон устанавливается судом, при этом первым во всех случаях выступает обвинитель, а последними – подсудимый и его защитник. Правила УПК РФ о порядке выступлений сторон в прениях, предоставляющие стороне защиты процессуальные преимущества в виде возможности выступать последней, что всегда выгоднее, обусловлены тем, что фактически сторона защиты изначально находится в ущемленном положении по сравнению с противоположной стороной. Это проявление известно в теории уголовного процесса как «благоприятствование защите» (с лат. *favor defensionis*) и распространяется на стадию апелляционного производства, исходя из ст. 389.13. УПК РФ.

Вместе с тем представляется интересным вопрос о последовательности выступления в судебных прениях участников стороны защиты.

Обращает на себя внимание точка зрения Н. В. Сидоровой, которая отмечает, что в заседании суда апелляционной инстанции «при определении последовательности выступления участников должна учитываться целостность их позиций, к примеру, подсудимому и его защитнику необходимо выступать друг за другом с учетом того, кем была подана жалоба» [6, с. 147]. С данной позицией следует согласиться. Например, когда по уголовному делу в суде апелляционной инстанции участвуют два осужденных и

соответственно два защитника, нецелесообразно представлять слово в прениях одному из осужденных и защитнику второго осужденного, позиции которых могут различаться либо не совпадать с учетом различия защищаемых интересов.

Кроме того, стороне защиты следовало бы предоставить возможность выражать мнение относительно порядка выступления в прениях при условии, когда апелляционные жалобы поданы и осужденным, и его защитником (и (или) его законным представителем), либо ими подана одна апелляционная жалоба.

В этой связи в УПК РФ необходимо закрепить положение о том, что в случае, если апелляционные жалоба или представление поданы несколькими участниками, то порядок выступлений в прениях сторон устанавливается судом с учетом их мнения и интереса в исходе дела.

Не менее актуальными на практике являются вопросы о предоставлении сторонам, и прежде всего стороне защиты, времени для подготовки к прениям, о содержании речей сторон. Вопрос о готовности сторон к судебным прениям в заседании суда апелляционной инстанции, как правило, не выясняется. Обусловлено это тем, что «регламентированный в действующем УПК РФ (гл. 45.1) апелляционный порядок, в том числе порядок исследования доказательств (ст. 389.13 УПК РФ), ... позволяет на законных основаниях ограничиться достаточно формальной и поверхностной проверкой правосудности вынесенного судом первой инстанции решения» [7, с. 19-20], что чаще всего и происходит на практике. В связи с этим речи сторон в судебных прениях при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции мало чем отличаются от их выступлений в ходе судебного следствия, поскольку и в первом, и во втором случае стороны исходят из тех доводов, которые они изложили в своих апелляционных жалобах (представлении) либо возражениях на них.

Между тем на практике встречаются случаи, когда сторона защиты лишается судом апелляционной инстанции возможности подготовиться к судебным прениям именно по той причине, что непосредственное исследование доказательств в рамках заседания суда апелляционной инстанции с согласия сторон не осуществлялось на основании ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ, в связи с чем заявление о неготовности к судебным прениям воспринимается судом как необоснованное.

Апелляционная практика изобилует уголовными делами, по которым, согласно протоколам заседаний суда апелляционной инстанции, адвокаты-защитники осужденных заявляли о том, что не имеют претензий к полноте и процедуре исследования доказательств судом первой инстанции, не видят необходимости в исследовании имеющихся по делу доказательств, но не согласны с оценкой этих доказательств в приговоре. Подобные

заявления в действительности не всегда объективно обусловлены, а связываются адвокатами с большим процентом отказов суда апелляционной инстанции в удовлетворении ходатайств об исследовании доказательств, которые ранее уже исследовались судом первой инстанции [7, с. 21].

Именно такая практика, как полагаем, обуславливает формальное отношение, как суда апелляционной инстанции, так и сторон, к порядку проведения судебных прений, содержанию речей в рамках них. Проанализированная нами практика произнесения обвинительных и защитительных речей позволяет сделать вывод о том, что сами стороны несерьезно относятся к данному элементу судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции. И происходит это потому, что им изначально, еще в начале судебного следствия судом апелляционной инстанции предлагается, при наличии необходимости, «дополнить» доводы, изложенные в апелляционной жалобе (представлении), а не в целом выразить свою позицию. Чтобы не повторяться и не утруждать суд апелляционной инстанции своими многочисленными аргументами, стороны чаще всего выражают свою позицию в ходе судебного следствия коротко со ссылкой на то, что все доводы подробно изложены в апелляционной жалобе (представлении) либо возражениях на нее (него).

Речи сторон в судебных прениях, как правило, сводятся либо к повторению ранее озвученных в рамках выступлений в ходе судебного следствия доводов, либо дублированию доводов апелляционной жалобы, либо фактически вообще не произносятся. При этом участники чаще всего ограничиваются в судебных прениях ставшей уже традиционной фразой о том, что доводы апелляционной жалобы (представления) либо возражений на них подтверждаются ими полностью, а также просьбой отменить, изменить либо оставить в силе решение суда первой инстанции.

Согласно ч. 6 ст. 292 УПК РФ в суде первой инстанции по поводу сказанного в речах при необходимости каждая из сторон, участвующих в прениях, может выступить с репликой, т.е. с возражениями относительно аргументов, изложенных в речи противоположной стороны. Между тем реплики сторон не предусмотрены в суде апелляционной инстанции, и последний не предоставляет сторонам право на реплику исходя из ч. 6 ст. 292 УПК РФ. Думается, что отсутствие возможности выступить с репликой в суде апелляционной инстанции существенно нарушает принцип состязательности на этой стадии уголовного процесса. Чаще всего это сказывается на правах стороны защиты, которая обжаловала судебное решение. Обычно на практике это выглядит так, что осужденный и его защитник выступают в судебных прениях, государственный обвинитель возражает по доводам защиты в своей обвинительной речи; и на этом судебные прения заканчиваются.

С учетом сложившейся на практике проблематики видится необходимым в УПК РФ конкретизировать, что прения сторон в суде апелляционной инстанции проводятся по правилам, предусмотренным ст. 292 УПК РФ.

Представляется, что такое положение, когда законодательно и практически судебные прения в суде апелляционной инстанции сведены к «никому не нужной процедуре», недопустимо. Такое положение изначально умаляет суть и назначение стадии апелляционного производства, которая в результате реформирования института проверки правосудности судебных решений в российском уголовном процессе, с момента вступления в силу новелл УПК РФ (с 01 января 2013 г.), была приближена к порядку рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. №174 – ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Ковтун Н. Н., Александров А. С. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 38-45.
3. Разинкина А. Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.
4. Шмелева Е. С. Прения сторон в суде апелляционной инстанции // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 3 (84). – С. 124-127.
5. Сеничева И. С. Прения сторон в суде апелляционной инстанции и участие в них прокурора при обжаловании оправдательного приговора // Теория и практика современной юридической науки: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Самара, 2015. – № 2. – С. 106-109.
6. Сидорова Н. В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во НТЛ, 2006. – 207 с.
7. Сухова О. А. Проблемы участия адвоката-защитника в ходе судебного следствия при рассмотрении уголовного дела в апелляционной инстанции // Адвокатура в Республике Мордовия. – 2016. – № 3 – С. 19-23.

РОМАЙКИН И. А.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

КАК ГЛАВНАЯ ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматривается самостоятельность субъектов федерации в качестве главного и ключевого отличительного признака федеративного государства. Показывается влияние самостоятельности и юридического статуса субъектов федерации на особенности реализации власти внутри федеративного государства. Анализируется содержание самостоятельности как теоретической конструкции.

Ключевые слова: самостоятельность, субъект федерации, федеративное государство, унитарное государство, государственная власть.

ROMAYKIN I. A.

INDEPENDENCE OF FEDERAL SUBJECT AS MAJOR FEATURE OF FEDERAL STATE

Abstract. The article considers the independence of federal subjects as a major and distinguishing feature of the federal state. The author shows the influence of independence and legal status of federal subject on the specifics of state power within the federal state. The content of independence is analyzed as a theoretical construction.

Keywords: independence, federal subject, federal state, unitary state, state power.

Наличие в составе государства субъектов – признак, характерный исключительно для государств федеративного типа. Территориальные автономии, которые имеют место в унитарных государствах, создаются преимущественно для решения определенных целей и задач: национальных, этнических, социально-экономических, политических, религиозных и др. [1, с. 14]. Чаще всего их создание имеет цель решения национального вопроса, иногда большую роль могут играть географические особенности расположения региона и проч.

Говоря о самостоятельности территориальной единицы как теоретической категории, авторы предлагают понимать ее как «гарантируемое и обеспеченное правом свойство территории, способной существовать обособленно, обладающей компетенцией, необходимой для независимого и эффективного управления» [2, с. 9]. При этом содержание самостоятельности такой единицы включает территорию и компетенцию (внутреннюю и внешнюю) [2, с. 9]. В зависимости от политико-правовых характеристик содержания самостоятельности авторы классифицируют ее на абсолютную (суверенитет) и относительную [2, с. 9].

Абсолютной самостоятельностью, т.е. суверенитетом, обладают государства-члены сложных политических образований, в остальных случаях мы имеем дело с относительной самостоятельностью.

Исследователями подчеркивается факт, что «уровень относительной самостоятельности субъектов федеративного государства и автономных территориальных единиц унитарных государств различен, и напрямую не зависит от формы государственно-территориального устройства» [2, с. 17]. Это означает, что объем компетенции автономий в унитарных государствах и субъектов в федеративных может быть очень схожим, однако принципиальным является то, что само по себе наличие в составе унитарного государства автономии не влияет на структуру государственной власти (т.е. и на структуру государства) – она остается единой и одноуровневой, несмотря на то, что государство может быть и децентрализованным. Это же относится и к регионалистским государствам (целиком состоящим из автономных территорий).

Как замечает профессор А. И. Вдовин, «автономия отличается от федерации не тем, что автономному образованию предоставляется меньше прав самостоятельности, чем государству-члену федерации. Отличие в том, что государство выделяет в пользу автономной области или союза определенный круг законодательных административных и других полномочий не в полное распоряжение этой автономной области, а лишь при условии контроля, – будь то в форме санкции или опротестования законов, утверждения того или иного высшего должностного лица, изменения состава палат автономной области и т.д. Федерацию отличает от автономии не количественная степень суверенности, не степень единства, а различие отношения децентрализованной части государства с центром» [3, с. 477].

Некоторые исследователи отмечают, что сам термин «федерация» обоснованно использовать для «обозначения государства, которому в юридической действительности соответствует несколько субъектов права (собственно федерация как общенациональный уровень государственной власти и члены федерации), обладающих правовым статусом, позволяющим им выступать по определенным вопросам в качестве сторон отношений союзного характера. Именно это видится главным концептуальным свойством, отличающим федерацию от иных сложных (в том числе и регионалистских) и вообще унитарных государств» [4, с. 478].

Тогда возникает вопрос – чем вызван особый характер отношений субъектов федерации с государственным центром? Ведь если автономии в унитарных государствах могут быть равны по компетенции субъектам федерации или даже превосходить их в этом,

то в чем дело? Чем объясняется такой особенный характер взаимоотношений внутри государства?

Дело в том, что федеративное государство изначально состоит из субъектов как особых частей государства, а субъект федерации «следует рассматривать как обладающее государственной властью государственное образование, входящее в состав федерации, но не являющееся носителем государственного суверенитета» [5, с. 30]. Соответственно отношения федеральной власти с субъектами строятся иначе, нежели в унитарных государствах, и вызвано это правовым положением субъекта федерации в государстве. В свою очередь это правовое положение (статус) субъекта произведен от его юридического титула субъекта федерации. Именно титул субъекта федеративного государства является причиной наделения его самостоятельностью. При этом самостоятельность субъекта федерации имеет две стороны – фактическую и юридическую, и юридическая ее сторона оказывается в конечном итоге решающей, т.к. она и влияет прямо на характер и систему властеотношений.

Другой аспект этой проблемы связан с тем, что самостоятельность субъектов федерации – явление общегосударственного масштаба, которое влияет на способ построения власти. И влияет оно в силу статуса самостоятельных территорий как субъектов федерации. Поэтому, возвращаясь к содержанию самостоятельности, необходимо уточнить, что в ее содержание входят не 2, а 3 элемента: территория, компетенция и юридический статус этой самостоятельной единицы, в силу того, что именно ее юридический статус, а не объем территории или компетенции, имеет принципиальное значение для построения системы государственной власти и властеотношений в государстве. Это относится к внутригосударственным территориям.

Можно заключить также, что в федеративном государстве сильно выражен момент территориальности, т.к. территория федеративного государства формально складывается из территории ее субъектов. Е. А. Соловьева, рассматривая структуру конституционно-правового статуса субъекта федерации, выделяет в качестве одного из элементов такого статуса положение субъекта как части федерации [6, с. 22]. Мы знаем, что территория федеративного государства формально считается состоящей из территорий ее субъектов. Однако памятуя, что каждый из субъектов есть носитель самостоятельности (особого правового статуса), то он не просто присутствует в структуре государства, но состоит с ним в федеративных отношениях [6, с. 22].

В итоге самостоятельность субъектов федерации предполагает у высшей федеральной власти 2 пояса действия: общегосударственный (охватывает все государство) и региональный (охватывает отношения с субъектами), соединенные между собой. Это

означает, что в федеративном государстве имеют место и взаимодействуют два юридически властных статуса, или два уровня властеотношений – суверенности (общегосударственный пояс) и самостоятельности (региональный пояс). И именно региональный пояс действия государственной власти и составляет суть федеративных отношений, т.е. отношений между федеральным центром и субъектами федерации, в которые они вступают как стороны. Это внутригосударственные отношения между высшей властью государства и регионами, которые имеют характер государствовподобных отношений с обеих сторон, а не с одной, как в унитарных государствах. При этом, естественно, положение этих сторон в любом случае изначально не может быть равным, т.е. субъект федерации не может претендовать на равенство в отношениях с федеральным центром просто в силу своего положения в составе государства как его части. Налицо территориальный аспект организации государственной власти.

Таким образом, самостоятельность субъектов федерации есть их специфическое правовое положение в государстве по отношению к государственной власти, дающее им возможность выступать во внутригосударственных отношениях в качестве стороны этих отношений и принципиально влияющее на сам характер внутригосударственных властеотношений в федерации. Значит, самостоятельность – важнейший фактор, оказывающий решающее влияние практически на все аспекты в устройстве системы государственной власти в федерации. Существеннейшим моментом этой самостоятельности выступает юридический статус такой территории как субъекта федерации, или, по-другому, ее юридический титул.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белодед А. Ю. Территориальная автономия в российском государстве: конституционно-правовой аспект: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 26 с.
2. Кистринова О. В. Самостоятельность территориально-государственных единиц России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 26 с.
3. Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. – М.: Вече, 2013. – 624 с.
4. Лексин И. В. Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. – 2012. – № 12. – С. 476-486.

5. Плющ А. А. Конституционно-правовой статус области как субъекта Российской Федерации: на примере Пензенской области: дис... канд. юрид. наук. – Пенза, 2010. – 194 с.
6. Соловьева Е. А. Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации: проблема асимметрии: дис... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 196 с.

СЛАБОСПИЦКИЙ А. С.
ИСТОРИЯ РАССМОТРЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ
СПОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассматривается современная история развития специализированных государственных органов по разрешению хозяйственных споров в Республике Беларусь. Выделяются два этапа развития рассмотрения экономических споров в Республике Беларусь. Делается вывод об объединении двух структурно обособленных ветвей судебной системы – системы хозяйственных судов и общей юрисдикции – путем образования единого высшего суда.

Ключевые слова: хозяйственные областные суды, хозяйственные суды г. Минска, Высший хозяйственный суд, экономические суды, Верховный суд.

SLABOSPITSKIY A. S.
THE HISTORY OF COMMERCIAL DISPUTES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article deals with the modern history of specialized state bodies for settling commercial disputes in the Republic of Belarus. Two stages of the development of commercial disputes settling in the Republic of Belarus are considered. As a result, the commercial courts and the common law courts of the Republic of Belarus have been merged to make the Supreme Court.

Keywords: regional commercial courts, Minsk commercial courts, Supreme Commercial Court, commercial courts, Supreme Court.

Совершенствование систем государственных органов, осуществляющих правосудие по экономическим спорам, является одним из важнейших направлений деятельности союзного государства – Республики Беларусь.

Под рассмотрением экономических споров в данной статье понимается деятельность специализированных государственных судов по рассмотрению и разрешению споров между субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, а также споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, в связи с предпринимательской деятельностью.

Выбрав в качестве критерия выделения инстанции в отдельное звено судебной системы в формировании системы специализированных судов по рассмотрению экономических споров в Белоруссии, можно выделить два этапа развития рассмотрения экономических споров в Республике Беларусь: 1) с 1991 года по 2013 год; 2) с 2013 года по настоящее время.

Первый этап. По мнению профессора В. С. Каменкова точкой отсчета новейшей истории экономического правосудия Белоруссии можно условно считать 5 июня 1991 года, когда был принят Закон «О хозяйственном суде в Республике Беларусь» (закон о хозяйственном суде 1991 года) [1]. Указанный закон устанавливал, что хозяйственные суды Белоруссии уполномочены разрешать споры, возникающие из предпринимательской деятельности, а также споры о признании недействительными актов органов власти затрагивающих интересы предприятий и организаций, за исключением актов нормативно правовых актов. Согласно вышеуказанному закону в систему хозяйственных судов Белоруссии входили Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь (ВХС РБ) и хозяйственные суды областей Республики Беларусь. В то же время вышеуказанный закон ликвидировал систему государственных и ведомственных арбитражей, которые рассматривали большинство хозяйственных споров. ВХС РБ был ответственен за организацию, состояние и совершенствование деятельности хозяйственных судов, осуществлял проверки нижестоящих судов, изучал, обобщал и распространение положительную практику работы. Интересно отметить, что вышеуказанный закон о хозяйственном суде 1991 года не регулировал полномочия, порядок образования и деятельности областных хозяйственных судов.

Процессуальной основой деятельности хозяйственных судов стал введенный в действие с 1 июля 1991 года кодекс Республики Беларусь № 838-ХП «Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь» (ХПК 1991 года) [2]. В ХПК 1991 года под хозяйственными спорами понималось споры, возникающие при заключении, изменении, расторжении и исполнении хозяйственных договоров или осуществлении иной хозяйственной деятельности. ХПК 1991 года устанавливал, что хозяйственным судам в Республике Беларусь подведомственны споры, участниками которых являлись юридические и физические лиц, в том числе иностранные, а также государственные и другие органы. Хозяйственным судам так же были подведомственны споры о признании недействительными актов органов власти затрагивающих интересы предприятий и организаций, за исключением актов нормативно правовых актов.

Согласно ХПК 1991 год ВХС РБ в качестве суда первой инстанции рассматривал экономические споры с участием сторон зарегистрированным в юрисдикциях разных государстве, при условии наличия между этими государствами соглашениями, а также при наличии соглашения сторон. К юрисдикции областных хозяйственных судов как судов первой инстанции относились все экономические споры, кроме споров, отнесенных к юрисдикции ВХС РБ. ВХС РБ обладал полномочиями в пределах подведомственности споров хозяйственным судам Республики Беларусь изменять подсудность экономических

споров, в том числе и принимать к своему производству и разрешать любой экономический спор. ВХС РБ пересматривал в порядке надзора судебные акты областных хозяйственных судов.

23 апреля 1992 г. Верховный Совет Республики Беларусь принял Концепцию судебно-правовой реформы (Концепция 1992 года)[3]. В вышеуказанной концепции предлагалось реформировать систему хозяйственных судов на началах децентрализации за счет функционального разделения организационных форм судебной власти. Предусматривалась предусматривалось образование специализированных коллегий, которые в последствии могут быть расширены до обособленных звеньев системы хозяйственных судов.

15 марта 1994 года была принята Конституция Республики Беларусь [4], согласно которой судебная власть была закреплена на конституционном уровне.

Дальнейшим шагом по модернизации нормативно-правовой базы в области экономического правосудия стал принятие новой редакции ХПК РБ [5]. Согласно новому ХПК РБ в целях усовершенствования процедуры проверки судебных актов в хозяйственных судах первой инстанции была создана кассация инстанции.

9 декабря 1998 года был принят Закон Республики Беларусь № 217-З «О хозяйственных судах в Республике Беларусь» (закон о хозяйственных судах от 1998 года [6]). Принятие вышеуказанного закона было обусловлена различными причинами, в частности унификацией. За прошедшие 7 лет описанная в законе о хозяйственном суде от 1991 года система, состав и структура хозяйственных судов в Республики Беларусь были неоднократно уточнены и дополнены в отдельных нормативно правовых актах. В соответствии с законом о хозяйственных судах от 1998 года система хозяйственных судов состояла из следующих элементов: 1) Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь; 2) хозяйственные суды областей, хозяйственный суд города Минска.

ВХС РБ действовал в составе Пленума ВХС РБ, Президиума ВХС РБ, коллегии по проверке законности решений хозяйственных судов, судебных коллегий по разрешению отдельных категорий споров. Пленум ВХС РБ рассматривал в порядке надзора протесты на судебные акты Президиума ВХС РБ. Президиум ВХС РБ рассматривал в порядке надзора протесты на судебные акты коллегии ВХС РБ. Коллегия ВХС РБ по проверке законности решений хозяйственных судов рассматривала в порядке надзора протесты на судебные акты ВХС РБ, вынесенные при разрешении дел в первой инстанции, а также на судебные акты нижестоящих судов. Судебные коллегии ВХС РБ рассматривали в качестве суда первой инстанции дела, отнесенные процессуальным кодексом к их подсудности споры.

В Хозяйственных судах областей и г. Минска рассматривались экономические споры в качестве суда первой, кассационной и в надзорной инстанции. В кассационной коллегии

рассматривались не вступившие в законную силу судебные акты соответствующего хозяйственного суда области и г. Минска. Председатель хозяйственного суда области (г. Минска) рассматривал жалобы и представления в рамках надзорной инстанции на не обжалованные в кассационной инстанции, но вступившие в законную силу судебные акты соответствующего хозяйственного суда области (г. Минска).

10 апреля 2002 г. указом Президента Республики Беларусь № 205 была принята Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь (Концепция от 2002 года). Данная концепция предусматривала образование либо нового звена судебной системы – Кассационных хозяйственных судов, либо образование в ВХС РБ кассационной коллегии.

В целях дальнейшего совершенствования хозяйственного судопроизводства в марте 2005 года вступил в силу третий ХПК РБ (ХПК РБ от 2005 года) [7]. В третьей редакции ХПК РБ от 2005 года появилась апелляционная коллегия в хозяйственных областных судах и г. Минске и кассационная коллегия при ВХС РБ. В результате были сформированы четыре судебные инстанции в двухзвенной системе хозяйственных судов.

Первая инстанция рассматривает все дела, отнесенные к подведомственности хозяйственных судов, по существу. Апелляционная инстанция рассматривает жалобы и протесты на судебные акты суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, при котором производится проверка юридической и фактической стороны дела в пределах поступившей апелляционной жалобы [8]. Дела в кассационном порядке рассматривались в специально созданной Кассационной коллегии ВХС, основная функция которой состояла в проверке законности вступивших в законную силу судебных постановлений [9]. Дела в порядке надзора рассматривали Пленум и Президиум ВХС РБ. Производство в порядке надзора являлось исключительной стадией хозяйственного процесса. Это обусловлено тем, что надзорное производство могло быть возбуждено только по протестам очень узкого круга должностных лиц ВХС РБ и органов прокуратуры. Существенно ограничены основания, по которым может быть принесен протест.

В целях дальнейшей систематизации законодательства о судостроительстве и статусе судей в Концепции от 2002 года высказывалась необходимость принятия единого кодифицированного акта. 29 июня 2006 г. был принят Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [10] (далее — Кодекс о судостроительстве). В данном кодексе была закреплена сложившаяся система хозяйственных судов. Кодекс о судостроительстве предусматривал образование в структуре хозяйственных судов судебных коллегий, специализацию судей по рассмотрению отдельных категорий дел. В частности, в хозяйственных судах области и г. Минска могут образовываться: судебная коллегия по рассмотрению дел в качестве суда первой инстанции, апелляционная судебная коллегия, а

также специализированные судебные коллегия (коллегии по банкротству, по налоговым спорам и по административным делам). Согласно Кодексу о судоустройстве хозяйственные суды областей и г. Минска рассматривают в пределах своей компетенции дела в качестве суда первой и апелляционной инстанции. ВХС РБ действует в составе Пленума ВХС РБ, Президиума ВХС РБ, Кассационной коллегии ВХС РБ, судебной коллегии по рассмотрению дел в качестве суда первой инстанции ВХС РБ, а также двух специализированных коллегий: по банкротству и по налоговым спорам ВХС РБ. ВХС РБ рассматривал в пределах своей компетенции дела по первой, кассационной и надзорной инстанции.

На первый взгляд, Кодекс о судоустройстве регулирует все аспекты организации системы хозяйственных судов. Однако, на деле это далеко не так. Одним из недостатков данного кодекса является довольно большое количество отсылочных норм. Есть в данном кодексе и нормы с ориентацией на перспективу.

Хозяйственным судам также были подведомственны споры об административных правонарушениях, затрагивающие осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности. Для осуществления данных полномочий первоначально применялся ХПК РБ, но с 1 марта 2007 года Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПИКоАП РБ) [11] стал единственным законом, устанавливающим порядок административного процесса. ПИКоАП РБ устанавливает особый порядок пересмотра судебных актов первой инстанции. С начала действия ПИКоАП судебные акты могут быть обжалованы председателю соответствующего суда. Действия и решения председателей низших судов могут быть обжалованы председателю ВХС РБ.

С 1 марта 2007 г. вступил в силу Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП РБ). КоАП РБ представляет собой кодифицированный нормативный правовой акт, направленный на обеспечение правопорядка и должной государственной дисциплины во всех сферах деятельности общества и государства [12].

До принятия КоАП РБ хозяйственные суды Республики Беларусь рассматривали лишь дела по ограниченному составу административных правонарушений. В соответствии с указом Президента Республики Беларусь от 8 октября 2008 года № 553 в целях обеспечения качества правосудия в ВХС РБ была образована судебная коллегия по административным делам [13].

Кроме проводимой модернизации системы хозяйственных судов не прекращалась работа по проведению модернизации всей судебной системы. 25 марта 2008 г. в г. Минске проведено республиканское совещание судей Белоруссии с участием Президента Республики. По итогам совещания был сделан вывод, что в качестве недостатков

существования полицентрической судебной власти является отсутствие единообразия практики, а также трудности в определении подведомственности споров [14].

В результате на данном совещании выработана единая политика совершенствования судоустройства и судопроизводства путем объединения общих и специализированных судов.

Эти идеи были реализованы Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 года № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» (Декрет Президента Республики Беларусь 2013 года). С 1 января 2014 года объединены Верховный Суд РБ и ВХС РБ, образовав единый высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным и экономическим делам – Верховный Суд Республики Беларусь (ВС РБ), возглавляющий систему судов общей юрисдикции Республики. Хозяйственные суды областей и г. Минска переименовали в экономические суды областей г. Минска.

После модернизации система судов общей юрисдикции стала состоять из ВС РБ, областных и Минского городского судов, экономических судов областей и г. Минска, районных и городских судов. В состав ВС РБ действует: Пленум Верховного Суда, Президиум Верховного Суда, а также специализированные судебные коллегии по уголовным делам, по гражданским делам, по экономическим делам, по делам интеллектуальной собственности. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь 2013 года ВС РБ, Пленум ВС РБ и Президиум ВС РБ помимо полномочий, предоставленных им законодательными актами, наделяются полномочиями, предусмотренными соответственно для ВХС РБ, Пленума ВХС РБ и Президиума ВХС РБ.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующее. Решение о создании системы специализированных судов в новейшей истории развития экономической юстиции Республики Беларусь было вызвано разными факторами, в том числе и тем, что с переходом страны к рыночной экономике правовое регулирование многих сфер деятельности государства значительно изменилось и расширилось. Система хозяйственных судов развивалась путем создания дополнительных инстанций внутри двух, структурно обособленных, звеньев системы хозяйственных судов. В настоящее время в целях оптимизации штатной численности сотрудников суда, решения проблемы определения подведомственности и единого правоприменения судами общими юрисдикции и хозяйственными судами норм материального права, две структурно обособленные ветви судебной системы – система хозяйственных судов и общей юрисдикции – объединены путем образования единого высшего суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. О хозяйственном суде в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 5 июня 1991 г. № 836-ХІІ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» Республики Беларусь.
2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 5 июня 1991 г. № 838-ХІІ «О хозяйственном суде в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» Республики Беларусь.
3. Концепция судебно-правовой реформы: принята Верховный Совет Республики Беларусь 23 апр. 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.
4. Конституция Республики Беларусь: принята Верховным Советом Республики Беларусь 15 марта 1994 года. – Минск: Полымя, 1994. – 31 с.
5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 дек. 1998 г. № 219-З [Электронный ресурс]. – Доступ из ИПС «ЭТАЛОН».
6. Закон Республики Беларусь от 9 дек. 1998 г. №217-З «О хозяйственных судах в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. – Доступ из ИПС «ЭТАЛОН».
7. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 дек. 1998 г. № 219-З (в ред. от 06.08.2004) [Электронный ресурс]. – Доступ из ИПС «ЭТАЛОН».
8. Дубовик Е. Понятие и виды апелляции в хозяйственном процессе // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 140–145.
9. Харланович В. Н. Порядок рассмотрения гражданско-правовых споров в кассационном порядке в хозяйственном суде [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» Республики Беларусь.
10. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З. – Минск: Амалфея, 2008. – 148 с.
11. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 дек. 2006 г. № 194-З (в ред. от 07.05.2007) [Электронный ресурс]. – Доступ из ИПС «ЭТАЛОН».
12. Черемисин П. Особенности рассмотрения хозяйственными судами дел об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» Республики Беларусь.
13. Каменков В. С. Что поменялось в хозяйственном судопроизводстве Беларуси за последние 10 лет? // Юрист РБ. – 2011. – № 12. – С. 21-24.
14. Официальный сайт Президента Республики Белоруссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/>.

МОТЬКИН Р. В.

**МЕРЫ ПО ВЗЫСКАНИЮ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ,
ПРИНИМАЕМЫЕ В ХОДЕ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация. Анализируются этапы и основные способы осуществления арбитражными управляющими обязанности по взысканию дебиторской задолженности. Рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования предъявления к третьим лицам, имеющим задолженность перед должником, требования о ее взыскании.

Ключевые слова: банкротство, взыскание задолженности, реализация имущества на торгах, уступка права требования, конкурсное производство.

MOTKIN R. V.

WAYS OF DEBT COLLECTING DURING BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Abstract. The article analyzes the main stages and methods of debt collection by insolvency officials. The author considers the current problems of legal regulation of claiming debts from the third party.

Keywords: bankruptcy, debt collection, sale of property at auction, assignment of claims, bankruptcy proceedings.

Каждое предприятие, целью которого является систематическое получение прибыли, в своей текущей хозяйственной деятельности неизбежно сталкивается с необходимостью поиска баланса между кредиторской и дебиторской задолженностью. Дебиторская задолженность представляет собой сумму долгов, причитающихся организации от юридических и физических лиц. При этом распространено деление дебиторской задолженности на «нормальную», то есть возникшую в результате нормальной хозяйственной деятельности, и «неоправданную», связанную с неправомерными, неразумными и недобросовестными действиями контролирующих лиц организации [1, с. 8]. На рост «нормальной» дебиторской задолженности влияет значительное количество факторов: общее падение производства, уменьшение инвестиционных накоплений, существенная разница в объемах денежной массы, находящейся в обращении и стоимости продукции, недоступность получения кредитов и др. [2, с.111]. «Неоправданная» задолженность, как правило, является следствием неверных стратегических решений при выборе контрагента, определении рынка сбыта товара или предоставления услуг. Однако, значительную долю в данном виде задолженности занимает так называемая «криминальная» задолженность, возникающая вследствие действий контролирующих организацию лиц, прямо направленных на причинение ущерба организации, выводу её активов. Итогом таких

действий зачастую становится банкротство, то есть несостоятельность организации, её неспособность в полной мере удовлетворить требования кредиторов и работников.

В случае открытия конкурсного производства – процедуры, направленной на реализацию имущества должника с целью соразмерного удовлетворения требований кредиторов, арбитражный суд назначает конкурсного управляющего, принимающего на себя весь комплекс обязанностей руководителя организации.

В условиях признанной арбитражным судом несостоятельности организации одной из ключевых обязанностей конкурсного управляющего в процессе проведения процедуры конкурсного производства является предъявление к третьим лицам, имеющим задолженность перед должником, требования о ее взыскании [3].

В настоящей статье автором обобщается и анализируется комплекс мероприятий, осуществляемый конкурсным управляющим в процессе взыскания дебиторской задолженности, выделяются её этапы и правовые особенности. Актуальность статьи обусловлена значительным ростом количества дел о банкротстве и необходимостью анализа одной из главных составляющих конкурсного производства – мероприятий по взысканию задолженности с дебиторов должника.

Первым этапом осуществления данной обязанности является передача бухгалтерской и иной документации в адрес конкурсного управляющего. Бывшим руководителем, ликвидатором, временным, административным, внешним управляющим организации данная обязанность должна быть исполнена в течение трех дней с даты утверждения конкурсного управляющего [3].

Вместе с тем, суды при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением обязанности по передаче документации управляющему, признают, что данная обязанность является двусторонней, то есть конкурсный управляющий также обязан принять необходимые меры по получению документации [3].

В процессе проведения инвентаризации полученного имущества составляется Акт инвентаризации расчетов с покупателями, поставщиками и прочими дебиторами и кредиторами (Унифицированная форма № ИНВ-17) [4] на основе данных оборотно-сальдовой ведомости, а также товарных накладных, актов выполненных работ и иной первичной бухгалтерской документации. Данный акт отражает основную информацию о каждом дебиторе, в том числе наименование дебитора, основание возникновения задолженности по конкретной статье, а также сумму задолженности.

После определения списка дебиторов конкурсный управляющий должен сопоставить бухгалтерские данные с имеющейся первичной документацией, в том числе актами приема-передачи, товарными накладными, договорами и другими документами, подтверждающими

наличие дебиторской задолженности по каждому дебитору. При выявлении отсутствия части документации конкурсный управляющий обязан принять меры по её нахождению и истребованию. Для этого конкурсный управляющий подает запрос в адрес бывшего руководителя, ликвидатора, управляющего с целью получения отсутствующей документации.

В случае отказа в предоставлении необходимой документации конкурсный управляющий имеет право подать в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве данной организации, заявление об истребовании документов. На данном этапе зачастую возникает проблема доказывания невозможности получения необходимой документации своими средствами. Более того, некоторые суды требуют от управляющего доказательств не передачи данных документов арбитражному управляющему [5].

В вопросе доказывания юридического факта получения запроса важное правовое значение имеет п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации", согласно которому «гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо несут риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, доставленных по юридическим адресам, а также риск отсутствия по указанным адресам своего представителя» [6].

Вместе с тем, доказывание факта неполучения документации представляется сложно доказуемым, поскольку реестр входящей корреспонденции не всегда признается судами в качестве доказательства.

После получения исполнительного листа конкурсный управляющий подает в отдел судебных приставов по месту нахождения лица, в отношении которого вынесено решение, заявление о возбуждении исполнительного производства, итогом которого является выявление необходимой документации.

Вторым этапом является оценка дебиторской задолженности. На сегодняшний день существуют множество методик оценки дебиторской задолженности с учетом различных факторов:

- метод дисконтированных денежных потоков;
- методика РОО;
- методика Национальной коллегии оценщиков;
- методика, основанная на расчете кумулятивного коэффициента уменьшения;
- методика В.И. Прудникова;
- бартерная методика М.В. Круглова;
- методика С.П. Юдинцева;

– коэффициентная методика определения стоимости дебиторской задолженности [7, с.309].

Особенностью оценки имущества в процедурах банкротства является обязательная оценка права требования за счет имущества должника в случае, если оно является предметом залога, а также по требованию кредитора, имеющего более 2% голосов. При оценке задолженности наиболее популярным является доходный подход, позволяющий определить цену права требования исходя из возможного дохода, то есть вероятности погашения требования. Сравнительный подход в силу закрытости рынка и специфическими особенностями каждого контрагента применяется реже.

Основная проблема оценки дебиторской задолженности заключается в том, что при частичном отсутствии документации оценка осуществляется на основании показателей бухгалтерского баланса, что приводит к недостоверным выводам о цене права требования, поскольку данный способ оценки не учитывает наличие подтверждающей документации, а также статус контрагента (контрагент может находиться в процедуре банкротства или быть ликвидирован).

Третьим этапом осуществления обязанности по взысканию дебиторской задолженности является рассмотрение вопроса о реализации или списании дебиторской задолженности.

В частности, конкурсный управляющий может обратиться к кредиторам с предложением списать дебиторскую задолженность ввиду малозначительности, отсутствия первичной документации, истечения срока исковой давности, невозможности взыскания ввиду ликвидации дебитора и др. На основании решения собрания (комитета) кредиторов конкурсный управляющий (исполнительный директор) принимает решение о списании дебиторской задолженности. В отношении ошибочно числящейся дебиторской задолженности конкурсный управляющий вправе самостоятельно принять решение о корректировке бухгалтерского учета.

В вопросе реализации дебиторской задолженности, не подтвержденной первичной документацией, возникает сложная правовая проблема: с одной стороны, дорогостоящие мероприятия по реализации дебиторской задолженности, не подтвержденной документами, можно расценивать как заведомое уменьшение конкурсной массы должника, что является основанием для применения в отношении управляющего мер административной ответственности.

С другой стороны, списание неподтвержденной задолженности в большом размере также может стать основанием для подачи жалоб на арбитражного управляющего в части непринятия всех разумных мер по реализации имущества должника.

Частично данный вопрос был разрешен Постановлением Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 14917/11 по делу № А68-4638/2009, в котором Президиум отметил, что «арбитражный управляющий, что внося собранию (комитету) кредиторов предложения об уступке требований, арбитражный управляющий как лицо, специально уполномоченное на проведение процедур банкротства, обязан высказать профессиональное суждение по данному вопросу, сформированное с учетом таких факторов (обстоятельств), как характер и причины образования дебиторской задолженности, объем подтверждающих ее документов, период просрочки, меры, принятые к взысканию, вероятность погашения задолженности исходя из имущественного положения дебитора и наличия обеспечения, а также предполагаемый размер расходов, связанных с истребованием долга» [8].

Поскольку на арбитражного управляющего возложена самостоятельная обязанность действовать в отношении должника и кредиторов добросовестно и разумно (пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве), само по себе то обстоятельство, что действия управляющего были одобрены решением собрания кредиторов не исключает возможность квалификации этих действий как несоответствующих стандартам добросовестности и разумности.

Четвертым этапом осуществления обязанности по взысканию дебиторской задолженности является подача в адрес дебиторов претензий, в которых указывается размер задолженности, основание возникновения задолженности, а также реквизиты основного счета должника для погашения задолженности. В случае отказа от погашения задолженности либо отсутствия ответа от дебитора конкурсный управляющий обязан принять меры по взысканию задолженности в судебном порядке путем подачи искового заявления о взыскании задолженности.

Следует отметить, что, согласно судебной практике, (Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.01.2013 по делу № А62-3014/2009, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.06.2015 № Ф04-18457/2015 по делу № А03-16671/2014) надлежащим исполнением обязанности конкурсного управляющего в отношении дебиторской задолженности сам факт подачи искового заявления для взыскания задолженности в судебном порядке не является.

Соответственно, для надлежащего исполнения обязанности конкурсный управляющий обязан провести весь комплекс мер по взысканию задолженности в судебном порядке, в том числе, обеспечивать явку в судебных заседаниях, добросовестно готовить правовую позицию, обосновывать доводы доказательствами. Истечение срока давности также не является основанием для непринятия мер по взысканию задолженности.

Альтернативным способом осуществления обязанности по взысканию дебиторской задолженности является продажа прав требования к третьим лицам на торгах при реализации

имущества должника. Как правило, при формировании лотов для последующей реализации в один из лотов включаются все требования должника к третьим лицам. Соответственно, при утверждении данного лота собранием (комитетом) кредиторов у управляющего возникает возможность исполнить обязанность по взысканию дебиторской задолженности путем её продажи на торгах. Данный способ вызывает немало вопросов, поскольку при его использовании возникают сомнения в добросовестности действий управляющего.

Зачастую управляющие выбирают данный способ потому, что он наименее трудозатратен, позволяет исполнить обязанность, связанную с дебиторской задолженностью, минуя этапы анализа первичной документации, претензионного порядка предъявления требований, судопроизводства. С другой стороны, данный способ необходим в определенных случаях, в частности, когда взыскание задолженности может привести к длительному затягиванию процедуры банкротства, а реализация посредством уступки права требования не приведет к серьезным убыткам по сравнению с самостоятельным «просуживанием» задолженности.

В процессе осуществления указанных мероприятий арбитражный управляющий сталкивается со следующими проблемами: истребование первичной документации; инвентаризация дебиторской задолженности; оценка дебиторской задолженности; «просуживание» дебиторской задолженности с истекшим сроком исковой давности; реализация дебиторской задолженности в отсутствие подтверждающей документации.

Взыскание задолженности является одной из ключевых обязанностей управляющего, поскольку зачастую от вышеуказанного комплекса мероприятий зависит вся процедура банкротства, в частности, размер конкурсной массы, возможность удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности должника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брунгильд С. Г. Управление дебиторской задолженностью. – М.: Litres, 2017. – 591 с.
2. Кобелева С. В., Конова О. Ю. Дебиторская задолженность: возникновение, анализ и управление // Территория науки. – 2015. – № 2. – С. 111-114.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078527>.
4. Постановление Госкомстата РФ от 18.08.1998 № 88 (ред. от 03.05.2000) «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету

кассовых операций, по учету результатов инвентаризации» // [Электронный ресурс] // Справочная система Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20359/

5. Определение АС Краснодарского Края от 16 января 2017 г. По делу А32-29919/12 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/648de722-a7ea-480a-a1e6-5e0551620d31/A32-29919-2012_20170116_Opredelenie.pdf.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 140. – 30.06.2015.

7. Ибраева Л. А. Риск-ориентированный подход к управлению дебиторской задолженностью // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – № 5. – С. 310-313.

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 14917/11 по делу № А68-4638/2009 // [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/203ede49-5154-41d5-b4ea-962b8f8e50b9/A68-4638-2009_20130910_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf.

КУПЦОВА О. В., ЦУКАРЕВ А. Е.

ПРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА ЮРИСТА

Аннотация. В статье рассматриваются нравственные качества, необходимые в юридической деятельности, обосновывается значимость их как составляющей профессионализма юриста. Отмечается основополагающий характер отдельных нравственных качеств юриста, выводимых из этических категорий, а также специфика систем нравственных свойств представителей разных юридических профессий.

Ключевые слова: мораль, нравственные качества, этика, юридическая этика.

KUPTSOVA O. V., TSUKAREV A. E.

MORAL QUALITIES OF A LAWYER

Abstract. The article deals with the moral qualities needed in the legal profession. These qualities are considered as an integral part of the professional competence of a lawyer. The authors emphasize the fundamental nature of certain moral qualities of a lawyer and their connection to certain ethical categories. The moral qualities of different members of the legal profession are studied.

Keywords: morality, moral quality, ethics, legal ethics.

Главной особенностью морали является универсальный характер ее норм, что означает их применимость ко всем индивидам независимо от их положения в обществе. Однако к представителям отдельных профессий, предполагающих непосредственное контактирование с человеком, предъявляются более высокие нравственные требования. Отмеченное характерно и для юридической деятельности.

Юрист является не просто специалистом в области права. Он обеспечивает защиту прав и свобод граждан, олицетворяет закон и государство. Правозащитная деятельность основана на положениях нормативно-правовых актов, определяющих в том числе полномочия и обязанности юристов. Однако ни один правовой акт не может содержать всеобъемлющие правила, «рецепты» на все случаи, возникающие в юридической практике. Кроме того, абстрактный характер правовых норм дает возможность многогранной юридической интерпретации, совершения действий по усмотрению, а работа с конфиденциальными сведениями минимизирует социальный контроль. Перечисленные особенности обуславливают значимость морали в правовой сфере, необходимость использования внутренних регуляторов профессиональной юридической деятельности.

Сегодня в числе наиболее важных профессиональных качеств юриста рассматриваются не только профессиональные знания, умения и навыки, но и нравственные качества. Исследования показывают, что профессиональный уровень юристов во многом определяется именно развитием нравственных установок и общим уровнем культурной воспитанности.

Нравственные качества юриста, прежде всего, следует рассматривать во взаимосвязи с этическими категориями, лежащими в основе любых моральных свойств человека. Данные категории вбирают в себя содержание всех норм нравственного поведения и наиболее полно раскрывают требования морали к личности [1, с. 1860].

Наиболее общие этические категории – добро и зло. Добро понимается и как характеристика нравственности того или иного поступка, и как совокупность всего, что соответствует нормам морали. Зло обобщает все, что противоречит нормам морали, противостоит добру и вызывает общественное осуждение. В юридической практике крайне важны понимание добра и зла и готовность к неуклонной борьбе со злом в различных его проявлениях.

Безусловное нравственное требование к юристу – справедливость, предполагающая способность устанавливать должное положение вещей, правильное соотношение между деянием и воздаянием. Справедливость – один из основополагающих принципов права, неразрывно связанный с принципами законности и равенства всех перед законом и судом. Вся юридическая деятельность должна быть направлена на обеспечение справедливости.

Юристу необходимы развитое чувство долга и ответственность, выражающие понимание обязанностей перед отдельными индивидами, государством и обществом в целом и способность осознанно выполнять эти обязанности в соответствии с требованиями закона и морали.

Еще одно важное для юриста качество – гуманность. Она проявляется в бережном отношении к человеку, в уважении его чести и достоинства, в высокой человечности, соединенной с требовательностью. В практической деятельности следователь, прокурор, судья часто должны принимать жесткие решения, которые могут на первый взгляд показаться негуманными. Однако гуманизм не предполагает неоправданной снисходительности к преступникам. Напротив, настоящий гуманизм требует непримиримости к правонарушителям и не может противоречить интересам других людей и общества в целом. Но при этом даже в отношении лиц, преступивших закон, недопустимы бездушие, черствость и пренебрежение.

Юрист также должен быть совестливым, руководствоваться совестью при оценке и выборе своих действий. Совесть выступает в качестве категоричного внутреннего цензора, побуждающего творить добро и удерживающего от зла. Она не позволяет преступать закон, нарушать моральные нормы и проявлять халатность при исполнении своих обязанностей даже в отсутствие внешнего контроля.

Вышеперечисленные качества проистекают из категорий этики и потому могут быть оценены как исходные, базовые качества юриста. Однако с этических позиций немаловажное значение имеют и иные свойства личности правозащитника.

Среди них – чувство такта, означающее эмоциональное сопереживание участникам возникающего правоотношения. Именно на основе чувства такта определяется мера должного и допустимого в выражениях и поступках. Такт юриста проявляется во внимательном отношении к личности собеседника, умении корректно избежать вопросов, которые могут вызвать неловкость и негативные эмоции собеседника. Юрист должен руководствоваться чувством такта и в повседневном служебном общении (при приеме посетителей, участии в заседаниях и совещаниях, общении с руководителем и коллегами), и в условиях экстремальных ситуаций (во время обыска или задержания, пресечения противоправных действия и т. д.). Важно проявление уважения, предполагающего почтительное отношение к собеседнику, основанное на признании его достоинств как личности, а также корректности, сдержанности в словах и манерах.

Большое значение имеет принципиальность, означающая наличие твердых убеждений и неуклонного стремления к их реализации. Принципиальность проявляется в честности, человечности, неподкупности и искренности перед другими и самим собой, в гражданском мужестве. В юридической деятельности принципиальность выражается и в дисциплинированности, исполнительности, бескомпромиссности в соблюдении закона, нетерпимом отношении к нарушениям правопорядка и законности [2, с. 416-417].

Одним из важнейших моральных качеств юриста является честность. Она – основа доверительных отношений. Нечестность чревата потерей деловой репутации, что фактически «обнуляет» весь профессионализм и прежние заслуги [1, с. 1860].

Для юриста также важны порядочность, добросовестность, доброжелательность.

Состав неотъемлемых нравственных качеств юриста определяется авторами по-разному. Помимо вышеупомянутых свойств называются доброта, отзывчивость, самокритичность, целеустремленность, убежденность, толерантность, выдержка,

настойчивость, смелость, организованность, самостоятельность и иные. Обобщая нравственные качества, значимые для юридической деятельности, Е. И. Зыкина выделяет качества, составляющие ядро нравственной устойчивости юриста (гуманность, общественная направленность, убежденность, умение противостоять негативным воздействиям, самокритичность, целеустремленность) и качества ее вариативной части (справедливость, честность, ответственность и самостоятельность в принятии решений, чувство долга, уважительное отношение к праву и закону) [3, с. 148-150].

З. В. Макарова, в свою очередь, делит нравственные качества юриста на две группы: качества, определяющие нравственный облик юриста, дающие общее направление развития личности при осуществлении профессиональной деятельности (справедливость, гуманность, честность, смелость, долг, совесть, ответственность, принципиальность, самостоятельность, объективность, выдержка), и нравственные качества, необходимые представителям юридической профессии в отношениях друг с другом и иными участниками уголовного процесса (чуткость, достоинство, уважение, вежливость) [4, с. 201-202].

Думается, классифицировать нравственные качества достаточно сложно. Однако, как уже отмечалось, можно выделить базовые нравственные качества юриста, непосредственно проистекающие из этических категорий. Кроме того, следует признать, что нравственные качества представителей разных подсистем юридической практики имеют свою специфику. Так, к числу важнейших нравственных качеств судейской деятельности следует отнести беспристрастность, справедливость, принципиальность, гуманность, вежливость, объективность. В числе нежелательных свойств – предвзятость, подозрительность, властность, бестактность. В то же время в адвокатской практике предвзятость вряд ли однозначно может быть оценена негативно, поскольку позиция адвоката по делу неизбежно является односторонней. Для адвоката ведущими нравственными качествами выступают гуманность, благожелательность. Главная заповедь адвоката – «не навреди» – обязывает хорошо понимать людей, видеть их внутренний мир, проникнуться их чувствами, настроениями. При осуществлении прокурорского надзора ведущим нравственным качеством является обостренное чувство нетерпимости к злу, нарушениям закона, правопорядка, от кого бы они ни исходили [4, с. 201].

Следовательно, прокурор, судья, адвокат, все представители юридического сообщества обязаны безупречно соблюдать нравственные нормы. Поведение и

внешний вид юриста должны быть образцом соблюдения требований этики, причем и при исполнении профессиональных обязанностей, и «во внеслужебное время». Иное поведение не только вызывает индивидуально направленное недоверие со стороны общества, но и подрывает авторитет соответствующей правозащитной структуры. Кроме того, отношение к нормам профессиональной этики учитывается в правоохранительных органах при формировании кадрового резерва, при применении дисциплинарных поощрений и санкций. В частности, несоответствие судьи требованиям, предъявляемым Кодексом судейской этики, отмечается в личной характеристике, что может препятствовать принятию квалификационной коллегией судей решения о присвоении судье более высокого квалификационного класса [5, с. 244].

К сожалению, в современной России имеет место упадок нравственности и духовной культуры, что находит выражение и в профессионально-нравственной деформации в юридической профессии. Такая деформация может быть вызвана неизбежными контактами с представителями преступных сообществ, неблагоприятным социально-психологическим климатом в коллективе, чрезмерной эмоционально-психологической нагрузкой и иными факторами, и выражается во враждебности, равнодушии, формализме, коррупции, халатности, раздражительности и т. д. [6, с. 10-11]. Даже при наличии хороших профессиональных знаний безнравственный юрист будет использовать свои знания в корыстных целях, попирая справедливость и обходя закон.

В целях профилактики профессионально-нравственной деформации юристов необходимо, в том числе еще на этапе получения юридического образования, вести активное и качественное правовое воспитание, направленное на формирование незыблемых высоких нравственных качеств. Важно понимать, что построение демократического правового государства невозможно без укрепления законности и повышения эффективности правового регулирования, и в реализации данных задач нравственные качества юристов, уровень их нравственной культуры имеют ключевое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камалетдинов Э. С. «Идеальный тип» юриста в современном российском обществе: сущность и качественные характеристики // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 4. – С. 1859-1861.

2. Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. – 488 с.
3. Зыкина Е. И. О содержании понятия «нравственная устойчивость юриста» // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 4 (78). – С. 144-151.
4. Макарова З. М. Нравственный идеал профессии юриста // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 200-203.
5. Рыжаков А. П. Правоохранительные органы: учебник для вузов. – М.: Дело и Сервис, 2015. – 592 с.
6. Панченко А. М., Канина И. А. Социально-психологические факторы, влияющие на деформацию правового сознания сотрудников правоохранительных органов // Юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 10-13.

УЗДИМАЕВА Н. И., ЛАВРУШКИНА А. А.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ
АКТАХ ВЫСШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ С ПОЗИЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО
ПОДХОДА ПОНИМАНИЯ ИХ СТРУКТУРНОСТИ**

Аннотация. В статье представлен анализ структуры нормативно-правовых актов высшей юридической силы на федеральном и региональном уровнях. Предложены две модели, характерные для структуры законов Российской Федерации и ее субъектов. Выделены структурные единицы каждой модели. Обоснована необходимость соблюдения данной структуры нормативно-правовых актов, так как это существенно повысит их регулятивные свойства и эффективность реализации.

Ключевые слова: преамбульно-содержательная структура, содержательная часть, структура нормативно-правовых актов, структурные единицы, юридический подход.

UZDIMAIEVA N. I., LAVRUSHKINA A. A.

**STRUCTURAL UNITS OF LEGAL ACTS OF HIGHER LEGAL FORCE:
LEGAL APPROACH TO UNDERSTANDING THEIR STRUCTURE**

Abstract. The article presents an analysis of the structure of federal and regional legal acts of higher legal force. Two models of the structure of laws of the Russian Federation and its subjects are offered. Structural units typical for each model are revealed. The authors prove the necessity follow the two structural models in order to increase the regulatory properties and effectiveness of legal acts.

Keywords: preambular and substantial structure, substantial part, structure of legal acts, structural units, legal approach.

Для правильного понимания государственно-властного веления, которое выражено в нормативно-правовых актах, необходимо соблюдать точность, логичность, юридическую грамотность их содержания. Это возможно благодаря правильному построению и соблюдению структуры нормативно-правовых актов, которая выражается не только в их смысловой цельности, но и грамотном использовании структурных единиц, что помогает правильно сгруппировать те или иные нормативные положения, регулирующие тот или иной вид правового отношения, помогает выявить правовые пробелы и коллизии. Прежде, чем определить структурные ключевые структурообразующие единицы необходимо выяснить особенности внутреннего строения самих нормативно-правовых актов в рамках юридического подхода понимания их структурности.

Изначально в юридической науке сложилось два основных подхода к пониманию структуры нормативного акта – это документоведческий и юридический. Первый из них – документоведческий подход – предполагает, что структура любого документа состоит из реквизитов, основным из которых является текст.

Второй подход к пониманию структуры нормативного акта называется юридическим, который подразумевает разделение внутреннего строения документов на содержательную и внешнюю части, то есть на текст и реквизиты, при этом обращается внимание, что реквизиты имеют лишь вспомогательное значение для идентификации соответствующего документа [1, с. 17]. Полагаем, что данный подход в большой мере соответствует объективной юридической реальности, поскольку только так можно наиболее полно и точно акцентировать внимание на внутренней организации документа с тем, чтобы это позволило в максимальной степени выразить его содержание, выявить взаимосвязи между составляющими частями и элементами, определить степень влияния на него различных факторов, поэтому юридический подход мы и будем использовать при выявлении структурных особенностей нормативно-правовых актов. Сразу отметим, что, исходя из юридического подхода понимания структурности нормативно-правовых актов, основное внимание мы остановим на содержательной их части, так как именно она обладает идентифицирующими признаками для группировки структурных единиц нормативных актов различной структуры.

Анализ федерального и регионального законодательства показывает, что его структура предполагает наличие вводной части и текстовой. Под вводной частью мы понимаем преамбулу, которая не имеет нормативного характера, а обладает лишь нормами декларативного и вводно-общего характера и выступает в качестве вступительной части перед сущностью самого документа. Основное же нормативное содержание находится в тексте документа, который выражает ключевые положения той или иной отрасли права.

В текстовой части нормативно-правового акта выражено его основное предназначение, реализуются функции, закрепляются права, свободы обязанности человека и гражданина, меры ответственности, образцы должного поведения, запреты и иные элементы, выражающие функциональную принадлежность нормативно-правового акта. Текстовая часть нормативно-правового акта является основной, без нее он существовать не может, так как потеряется свою смысловую принадлежность и функционально-сущностные характеристики. Отдельно отметим, что мы рассматриваем именно акты нормативного содержания, а не акты правоприменения, которые адресованы конкретным лицам и направлены на реализацию отдельных правовых предписаний. Вышеизложенный материал позволяет именовать структурность законов преамбульно-содержательной, так как для

данного вида нормативно-правовых актов характерно наличие вводной части (преамбулы) и основной содержательной, то есть текста.

В рамках данного подхода к структурности законов, можно выделить две большие группы, а именно законы, которые имеют преамбулу и законы не имеющие таковой. К первой группе законов, которые имеют структурность в виде преамбулы и содержательной части относятся Конституция Российской Федерации, а также конституции (Конституция Республики Мордовия) [2] и уставы (Устав Саратовской области) [3] субъектов федерации. Считаем правильным назвать такую группу законов в преамбульно-содержательном подходе вводно-структурной, так нормативно-правовые акты этой группы имеют вводную часть, где в конституциях в том числе и в Конституции Российской Федерации, она выражена в виде преамбулы. Содержательная часть текст таких нормативно-правовых актов выражает их основное предназначение в регулировании отношений той или иной области. Особенностью законов вводно-структурной группы является, то, что они закрепляют основы государственной и общественной жизни субъекта и страны в целом в содержательной части, так как выступают в виде Основного закона страны, и главных нормативно правовых актов субъектов.

Законы второй группы преамбульно-содержательной структуры имеют достаточно сложное внутреннее строение в части использования структурных единиц, однако вводной части в виде преамбулы они не имеют и относятся к отраслевому законодательству. У законов данной группы есть только содержательная часть, которая имеет структурные единицы. К таким нормативно-правовым актам относятся Федеральные Конституционные Законы, Федеральные Законы, в том числе и обширные кодифицированные акты, законы субъектов федерации.

Как правило, они тоже имеют некую вводную часть, но она выступает уже в качестве первых статей содержательной части без обособления в автономную структурную единицу вне основной части текста. Первые статьи они несут в себе определенную нормативную нагрузку в отличие от преамбулы, они не имеют общих декларативных положений, а закладывают основу для дальнейшего развития нормативных положений закона. Подтверждением высказанной мысли может выступать, ФКЗ от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», в ч. 1 ст. 1 которого указывается, на то, какие судебные органы входят в систему судов общей юрисдикции [4]; ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», где в ч. 1 ст. 1 дается понятие Прокуратуры Российской Федерации, а в ч. 2 идет перечисление ее основных задач [5]; в Законе Республики Мордовия от 13.06.2012 № 42-З «О выборах главы Республики Мордовия» в ст. 1 дается перечень основных понятий и терминов, используемых в этом законе [6].

Все вышеназванные нормативные акты имеют главу 1 под названием «Общие положения», в которой закладываются основные принципы того или иного органа или регулируемого общественного отношения, но они в отличие от законов вводно-структурной группы имеют нормативное содержание. К таким нормативно-правовым актам относятся Федеральные Конституционные Законы, Федеральные Законы, в том числе и обширные кодифицированные акты, законы субъектов федерации. Соответственно законы подобного строения относятся к структурно-текстовой группе, так как они не имеют вводной части. Возможно, особенность данной группы обусловлена тем, что они регулируют специализированные общественные отношения той или иной отрасли права, а не устанавливают основы государственного устройства страны и ее субъектов, поэтому нет необходимости в общих декларативных положениях, которая содержит преамбула.

Соблюдение структуры нормативно-правовых актов невозможно без грамотного использования основных структурных единиц. Система структурных единиц нормативно-правовых актов в Российской Федерации предопределена их содержанием и юридической силой и представляет собой обобщенную схему пригодную для простых и сложных документов. Поэтому их изучение требует пристального теоретико-практического анализа.

В качестве основополагающих и системообразующих структурных единиц традиционно определяются следующие их виды: заголовок, оглавление, преамбула, часть, раздел, глава, статья, параграф, пункт, подпункт, абзац, примечание, заключительные положения, приложение [6]. На основе анализа законодательства Российской Федерации, с учетом смысловой связи структурных единиц нормативно-правовых актов и их текстов, а также в зависимости от юридической силы, эти единицы мы считаем целесообразным разделить на два класса: 1) вводно-идентифицирующие, 2) главные и второстепенные.

Опираясь на труды ученых-правоведов, к первому классу вводно-идентифицирующих структурных единиц считаем возможным отнести: заголовок, преамбулу, оглавление, так как вышеупомянутые элементы не отражают сущности текстового содержания документа. Вышеупомянутые структурные единицы характерны для законов и подзаконных актов. Преамбула характерна для законов вводно-структурной группы преамбульно-содержательного подхода, то есть для Конституции Российской Федерации, конституций республик и уставов других субъектов федерации.

В рамках второго класса, на основе юридической силы документа, структурные единицы целесообразно разделить на две группы: главные и второстепенные. К главным единицам, как правило, относятся те элементы, которые характерны для внутренней содержательной структуры законов. Они обозначают крупные смысловые структурные элементы нормативно-правовых актов, которые регулируют группу общественных

отношений, содержат конкретную правовую норму, поэтому очень важно урегулировать порядок их использования. К главным единицам второго класса относятся часть, раздел, глава, статья, параграф, заключительные положения. Дело в том, что только законы, которые мы отнесли, к преамбульно-содержательному подходу содержат такие единицы в большинстве случаев.

Гражданский кодекс имеет в своем содержании 4 части, причем первая часть имеет три раздела, раздел первый имеет соответствующие подразделы, а третий подраздел 1 раздела имеет главы, в частности, 7 глава имеет параграфы, которые содержат статьи, а 6 глава сразу разделена на статьи, причем порядок использования данных структурных единиц в нормативно-правовых актах остается не урегулированным, что приводит к многочисленным ошибкам при использовании и обозначении более мелких структурных единиц [7].

К второстепенным структурным единицам второго класса относятся пункт, подпункт, абзац, примечание, приложение. В законах они выступают в качестве вспомогательных элементов в статьях, так как они обычно имеют пункты, абзацы и другие второстепенные структурные единицы и использованы для распределения смысловой нагрузки правовой нормы и не выступают в качестве самостоятельных структурных элементов.

Оценка перспектив развития российского законодательства в будущем позволяет сделать вывод о том, что по мере усложнения его структуры и повышения качества правовой техники, необходимо модернизировать структурные единицы текста и вводить новые элементы для поддержания структуры нормативно-правовых актов в соответствии с требованиями юридической техники. Все вопросы, касающиеся использования структурных единиц непременно определяют качество структурности самого акта, которая определяется использованием структурных единиц.

Важно не только не путать какие структурные единицы используются в той или иной группе нормативно-правовых актов, но урегулировать порядок использования структурных единиц в целом. Степень совершенства структурных единиц нормативно-правовых актов, а соответственно и структурности свидетельствует, как о качестве принимаемых законов, так и об уровне становления правового государства и формирования индивидуальной правовой культуры каждого гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковенков А. Ю. Юридическая техника и правила оформления документов: требования к структуре правового акта и его элементам // Секретарь-референт. – 2009. – № 2. – С. 17–23.

2. Конституция Республики Мордовия: принята Конституционным собранием РМ 21.09.1995 г. // Известия Мордовии. – 1995. – № 10.
3. Устав (Основной Закон) Саратовской области: принят Саратовской областной Думой 24.05.2005 г. // Неделя области. – 2005. – № 38.
4. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федер. конст. закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
5. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
6. О выборах главы Республики Мордовия: Закон Республики Мордовия от 13.06.2012 № 42-З // Известия Мордовии. – 2012. – № 12.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1: Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

МОКШАНОВ М. Г.

**ПРОТИВОРЕЧИЯ НОРМ ПРАВА В ВОПРОСЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ВЗЫСКАНИЯ
К ОСУЖДЕННЫМ, ПРИГОВОРЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы противоречий норм права, которые были выявлены между подзаконными нормативными актами Российской Федерации. Устранение данных коллизионных норм позволяет исключить разногласия и противоречия при водворении осужденного, отбывающего наказание в лечебно-исправительных учреждениях и находящегося под наблюдением врача, в штрафной изолятор.

Ключевые слова: противоречия, коллизии, осужденные, конфликт, подзаконные акты, дефекты, противоречивость, право.

MOKSHANOV M. G.

**CONTRADICTIONS OF LEGAL RULES IN APPLICATION OF DISCIPLINARY
MEASURES TO CONVICTS SENTENCED TO IMPRISONMENT**

Abstract. The study considers the contradictions of legal rules between the by-laws of the Russian Federation. Elimination of these conflicts of law allows to exclude disagreements and contradictions during placement in punishment isolation cell of a convict serving sentence in a medical correctional facility under the care of a medical doctor.

Keywords: contradictions, conflicts, convicts, regulations, by-laws, defects, inconsistency, law.

Как известно, меры взыскания к осужденным, приговоренным к лишению свободы, существуют для поддержания надлежащего порядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также формирования правомерного поведения осужденных.

Однако отрасль российского уголовно-исполнительного права, как и любая иная отрасль права, изобилует коллизионными нормами. По мнению профессора Т. Н. Радько, коллизии являются результатом дефектов в правотворчестве, следствием которых является несогласованность, противоречивость правовых норм, регулирующих одни и те же отношения [6, с. 366].

Следует отметить, что проблема юридических коллизий уходит в древние времена. Платон и его ученики определяли, что именно из-за внутренних коллизий любая форма государства гибнет, а в Древней Греции отмечалась особая система юрисдикции для иностранцев, норма «lex loci contractus», которая создавала коллизии в вопросе происхождения сторон спора. Однако пониманию юридических коллизий не было уделено должного внимания [2, с. 225-244].

Профессор Г. Ф. Шершеневич рассматривал комплексное учение о юридических коллизиях, давая обзор форм права, рассматривая закон и виды законов, а также действие закона во времени и пространстве. Большое внимание уделено применению права - его принципам, критике, т.е. установлению подлинности правовой нормы (ее существования и юридической оценки), толкованию, аналогии. Анализ нарушения права проведен с точки зрения видов, последствий и ответственности. [8, с. 91]

Известный ученый-юрист профессор Ю. А. Тихомиров рассматривает юридическую коллизию как базовое понятие в качестве основного юридического противоречия между правовыми актами, действиями, между правопониманием и правовыми нормами. Он определяет юридическую коллизию как «противоречие между существующим правовым порядком и намерениями и действиями по его изменению», когда происходит своего рода соизмерение этого притязания либо с действующим правопорядком, либо с принципами права» [7, с. 5].

В настоящее время термину «коллизия» все авторы дают сходное толкование, а именно коллизии – это противоречие между существующими правовыми актами, институтами, притязаниями и действиями по их изменению, признанию или отторжению [1, с. 6]. Все словари сходятся во мнении толкования термина «коллизия». Так, словарь С. И. Ожегова определяет термин «коллизия» как «столкновение каких-либо противоположных сил, интересов, стремлений» [3, с. 129], но данное определение на тот момент являлось слишком узким и не давало углубленного понимания определения этого термина.

Как известно, юридические коллизии могут подрывать основы порядка и стабильности в обществе, создают конфликтные ситуации, социальную напряженность. Подобные катаклизмы – признак невысокой правовой культуры, процветающего на всех уровнях юридического нигилизма.

В результате исследования подзаконных актов Российской Федерации были выявлены противоречия норм права. Уставлено, что пункт 136 Приказа Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» [5], устанавливающий, что «к осужденным, проходящим лечение в лечебно-профилактических учреждениях, могут применяться все предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством меры взыскания, если их немедленное исполнение не влечет угрозы жизни и здоровью осужденного». На основании данного пункта можно администрация ЛИУ имеет право водворять осужденного в ЛИУ.

Однако если руководствоваться пунктом 46 Приказа Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005 «О Порядке организации медицинской помощи лицам,

отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» [4] можно увидеть, что осужденный не может быть водворен в ШИЗО в связи с тем, что он находится на лечении и нуждается в наблюдении врача в стационарных условиях. Это подтверждается в вышеуказанном пункте, устанавливающем, что «перед водворением подозреваемых, обвиняемых, осужденных в одиночную камеру или карцер, в ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ, изолированные помещения строгих условий отбывания наказания, после вынесения решения о наказании производится медицинский осмотр с письменным заключением врача (фельдшера) о возможности содержания его в перечисленных помещениях. Основанием для вынесения медицинского заключения о невозможности содержания наказанного лица в данных помещениях может быть заболевание, травма либо иное состояние, требующее оказания неотложной помощи, лечения либо наблюдения в стационарных условиях (в том числе медицинской части)»

Получается, что пункт 136 приказа Минюста РФ № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» вступает в противоречие с пунктом 46 Приказа Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005 «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу». В результате данная коллизия приводит к конфликтной ситуации в вопросе о водворении осужденных проходящих лечение в ЛИУ и находящихся под наблюдением врачей.

Стоит отметить, что если при решении данной коллизии норм права отдать приоритет Приказу Минюста РФ № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений», то можно выделить пункт 137, который устанавливает, что «осужденные, водворенные в штрафные изоляторы и переведенные в помещения камерного типа, продолжают получать необходимое лечение». Проанализировав данный пункт можно сделать вывод, что осужденный, водворенный в ШИЗО на территории ЛИУ, продолжает получать необходимое лечение. Однако возникает вопрос о квалифицированности предоставляемой медицинской помощи осужденному в ШИЗО. В условиях ШИЗО осужденный не может получить необходимую медицинскую помощь ввиду того, что медицинский работник не имеет доступа к необходимому оборудованию, нужному для осуществления лечения осужденного.

Исходя из вышеперечисленного, можно сказать о том, что в условиях содержания осужденного, нуждающегося в продолжении лечения, но водворенного в ШИЗО на территории ЛИУ, осужденный получить квалифицированную помощь не может.

В связи с вышеперечисленным нами были предложены следующие коррективы в нормативные акты необходимые для решения данной проблемы:

В пункт 137 Приказа Минюста РФ № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» включить следующее дополнение: «При осуществлении медицинского лечения врачом осужденного водворенного в ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ, обеспечить врачу доступ ко всем необходимым средствам (оборудованию необходимого для диагностики заболевания, операционному вмешательству, медикаментозным средствам). Если доступ к необходимым средствам в данных условиях невозможен, то по требованию врача возможен временный перевод осужденного в обычные условия для осуществления лечения, но после окончания необходимого лечения осужденный должен быть снова водворен в ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ для дальнейшего отбывания наказания».

Пункт 46 Приказа Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005 г. «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» необходимо исключить в связи с потерей своей актуальности.

Предложенный путь может исключить коллизию норм права между подзаконными актами в части водворения в ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ осужденного отбывающего наказание в ЛИУ и исключить возможность предоставления врачом не соответствующей помощи осужденному, к которому были применены меры взыскания, не противоречащие уголовно-исполнительному кодексу.

В настоящее время проблемы продолжают существовать. Однако стоит отметить, что если данные коллизии норм права оставить без должного внимания, то большая вероятность того, что данная ситуация с теории может перерасти в практику. Разрешение данной проблемы поможет искоренить конфликтные ситуации и споры при дальнейшей реализации норм права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев В. А. Коллизии в конституционном праве // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35(250). – С. 22-30.
2. Матузов Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 225-244.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
4. О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу: Приказ Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17 октября 2005 г. (с изм.

- от 06.06.2014 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 46. – 14 ноября.
5. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – № 47. – 21 ноября.
6. Радько Т. Н. Актуальные проблемы права: учебник для магистров. – М.: Формула права, 2012. – 396 с.
7. Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия, власть, правопорядок // Государство и право. – 1994. – № 1. – С. 3-4.
8. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – Вып. 2. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910-1912. – 805 с.

ДОЛГИНИНА Д. О., СТЕПАШКИНА Е. Н.
ПРИМЕНЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ
ЗА БЮДЖЕТНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается категория «бюджетного принуждения» как основного элемента системы мер государственного принуждения. Представлен алгоритм правового механизма применения государственного принуждения в бюджетной сфере, учитывающий последние изменения бюджетного законодательства, позволивший сформулировать цели применения бюджетных мер принуждения, а также научно обоснованные предложения, направленные на повышение эффективности привлечения к ответственности за бюджетные нарушения.

Ключевые слова: правонарушение, меры принуждения, бюджетное законодательство, бюджетные отношения, бюджетные нарушения, бюджетное принуждение, ответственность.

DOLGININA D. O., STEPASHKINA E. N.
FISCAL COERCIVE ACTIONS FOR BUDGETARY OFFENCES

Abstract. The article deals with the category of fiscal coercion as the main element of the system of state coercive actions. Taking into account the recent changes of the budgetary legislation, the legal framework of state coercive actions in the public sector is considered. The authors formulate the purpose of fiscal coercive actions and make evidence-based proposals aimed at improving the efficiency of charging for budget violations.

Keywords: offence, coercive actions, budgetary law, budgetary relations, budgetary violations, fiscal coercion, responsibility.

В соответствии со статьей 1 Бюджетного Кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) составной частью правового регулирования бюджетных отношений является ответственность за нарушение бюджетного законодательства [2]. Основанием данной ответственности выступает бюджетное правонарушение, за совершение которого законодатель предусматривает ряд мер обременительного характера, применяемых к нарушителю. Стремительное развитие финансовых и гражданских отношений обусловили объективную необходимость основательного пересмотра бюджетно-правовых и административно-правовых норм, регулирующих ответственность в области бюджета.

Ввиду серьезных изменений, произошедших в части четвертой Бюджетного кодекса Российской Федерации, был существенно изменен порядок применения мер принуждения за

нарушение норм бюджетного законодательства. Федеральным законом от 23.07.2013 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в БК РФ были включены главы 29 «Общие положения о бюджетных нарушениях и применении бюджетных мер принуждения» и 30 «Виды бюджетных нарушений и бюджетные меры принуждения, применяемые за их совершение».

Часть четвертая БК РФ в предыдущей редакции называлась «Ответственность за нарушение бюджетного законодательства РФ» и содержала единственную главу 28 «Общие положения», включающую 27 статей, из них 4 – утратившие силу.

Характеризуя кратко ключевые положения части четвертой БК РФ в старой редакции, следует указать, что глава 28 БК РФ содержала отдельные статьи, посвященные определению нарушения бюджетного законодательства (ст. 281), мерам, применяемым к нарушителям бюджетного законодательства (ст. 282), основаниям применения мер (ст. 283), полномочиям федеральных органов исполнительной власти в области применения мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства, а также соответствующие составы правонарушений. Заметим, что перечень мер, установленный ст. 282 БК РФ, был открытым, как и перечень оснований их применения (ст. 283 БК РФ). Статья 284 закрепляла полномочия в области принуждения мер к нарушителям за Федеральной службой бюджетного надзора и Федеральным Казначейством как федеральными органами исполнительной власти. Данная неопределенность, неоднозначность трактования норм вызывала проблемы их реализации в рамках бюджетного контроля (как внутреннего, так и внешнего) и бюджетной ответственности.

В целом по России в рамках внутреннего контроля в 2014 году контрольно-аудиторскими подразделениями Территориальных органов Федерального казначейства было организовано и проведено 2576 контрольных мероприятий, в ходе которых выявлено 12338 правонарушений, т.е. в среднем по пять правонарушений на каждое контрольное мероприятие [1].

В Республике Мордовия в 2014 году Управлением Федерального Казначейства по Республике Мордовия (УФК по РМ) из 203 проведенных ревизий и проверок, в 148 выявлены нарушения бюджетного законодательства, на общую сумму 264376,104 тысяч рублей. По результатам 48 проверок (32%) материалы были переданы в правоохранительные органы, из них возбуждено 35 уголовных дел (67%). В данном году УФК по РМ выписало и направило в проверенные им организации 127 представлений на возврат в бюджет 191268,099 тысяч рублей.

Положения БК РФ относительно применения норм части четвертой были предметом судебных разбирательств. Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 17.06.2004 № 12-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 155, п. 2 и 3 ст. 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса РФ в связи с запросами администрации Санкт-Петербурга, законодательного собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и арбитражного суда Республики Хакасия» указал на то, что нормативное регулирование мер, применяемых к нарушителям бюджетного законодательства (мер принуждения), не отличается необходимой конкретностью и непротиворечивостью, что подтверждается как названиями ст. 282, 283, 284 и 284.1 БК РФ, так и их содержанием [7].

Данная проблема ввиду отсутствия должного внимания со стороны законодателя к вопросам правового регулирования механизма ответственности к нарушителям бюджетного законодательства оставалась актуальной весь период действия части четвертой БК РФ и была в центре внимания исследователей-правоведов, таких как О. А. Гусейнов [4, с. 105], О. Н. Горбунова [3, с. 171], А. Н. Козырин [5, с. 420], Д. Л. Комягин [6, с. 245], Н. А. Саттарова [10, с. 192] и другие. Их интересовали теоретические вопросы института государственного принуждения и ответственности за нарушения бюджетного законодательства, а также вопросы правоприменения в указанной сфере.

Рассмотрение сущности понятия «бюджетное принуждение» невозможно без установления его определения. Под ним понимается разновидность государственного принуждения, прежде всего финансово-правового, обладающего всеми чертами последнего и развивающегося применительно лишь к конкретным бюджетным правоотношениям не в качестве самостоятельной категории юридической ответственности, а в качестве разновидности финансово-правового принуждения. Бюджетные меры принуждения применимы только в правовой форме, к определенному кругу лиц – некоторым участникам бюджетного процесса, являются превентивными или правовосстановительными по виду, и имущественными по характеру.

Основания применения мер бюджетного принуждения представлены в действующей главе 30 БК РФ: нецелевое использование бюджетных средств, невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита, перечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом, нарушение условий предоставления бюджетного кредита, нарушение условий предоставления (расходования) межбюджетных трансфертов.

Целью бюджетных мер принуждения является создание дополнительных инструментов для регулирования поведения участников бюджетного процесса, что не исключает применение юридической ответственности к должностным лицам и тем же участникам бюджетного процесса уже как к юридическим лицам. Кроме того, бюджетные меры принуждения имеют обеспечительную и пресекательную цель. Это означает, что они должны иметь ограниченный во времени характер и конкретную задачу, что может быть установлено уже в подзаконных нормативных правовых актах.

Меры государственного принуждения служат средством обеспечения реализации негативной юридической ответственности, являясь механизмом объективизации санкции за совершенное правонарушение.

В п. 2 ст.306.2 БК РФ установлены бюджетные меры принуждения, которые представляется обоснованным разделить на две группы праввосстановительные и штрафные. К первой группе можно отнести: бесспорное взыскание суммы средств, предоставленных из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации и приостановление (сокращение) предоставления межбюджетных трансфертов (за исключением субвенций). Ко второй - бесспорное взыскание суммы платы за пользование средствами, предоставленными из одного бюджета бюджетной системы Российской Федерации другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации, бесспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета; передача уполномоченному по соответствующему бюджету части полномочий главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств.

Каждая бюджетная мера принуждения выполняет строго определенную функцию, заложенную не столько тем составом бюджетного нарушения, за которое она применяется, сколько исключительной теоретической моделью воздействия на нарушителя. Любая мера государственного принуждения может иметь одну из трех целей, которые проистекают из видовой принадлежности меры [8, с. 165].

Если говорить о сроке, в течение которого должны применяться бюджетные меры принуждения, то возникает вопрос об эффективности применения данных мер. Во-первых, в самом БК РФ не указан так называемый срок получения уведомления, поскольку только после его получения в течение 30 дней документ подлежит исполнению. Во-вторых, срок направления уведомления о применении бюджетных мер принуждения также не указан в ст. 14 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате РФ». В Регламенте Счетной палаты РФ (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.06.2013 № 3ПК) указано, что уведомление Счетной палаты о применении бюджетных мер принуждения

по результатам контрольного мероприятия должно быть направлено в течение 14 календарных дней со дня рассмотрения вопроса на заседании Коллегии, если иное не будет установлено Коллегией. Представляется, что бюджетные меры принуждения, закрепленные в ст. 306.1 должны применяться незамедлительно по получении уведомления, поскольку указанные в законодательных актах сроки «растягивают» процедуру применения государственного принуждения к нарушителям бюджетного законодательства [9].

Таким образом, сущность бюджетного принуждения можно определить, как особый набор мер государственного принуждения, применяемых в финансово-бюджетной сфере к определенному кругу специальных субъектов с целью максимально быстро устранить негативные последствия совершенного нарушения или предотвратить их наступление, что также сопровождается превентивными механизмами.

Российское законодательство в сфере применения мер государственного принуждения в бюджетной сфере по-прежнему нуждается в упорядочении и кодификации объемного массива правовых норм, порой входящих в противоречие друг с другом, нередко оставляющих значительные пробелы в праве.

Особая важность и значимость вопросов ответственности за нарушение бюджетного законодательства обуславливает необходимость совершенствования правовой базы, обеспечивающей функционирование финансовой системы страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитическая записка по результатам контрольных мероприятий, проведенных контрольно-аудиторскими подразделениями органов Федерального казначейства в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.roskazna.ru/vedomstvennyy-i-vneshniy-kontrol/vnutrenniy-kontrol/materialy-analiza-kontrolnoy-deyatelnosti/doc/Аналитическая_записка_за_2014_год.pdf.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
3. Горбунова О. Н. Бюджетное право России: учеб. пособие. – М.: КноРус, 2002. – 192 с.
4. Гусейнов О. А. Правовая ответственность за нарушение бюджетного законодательства // Государственная служба. – 2011. – № 1. – С. 105-106.
5. Козырин А. Н. Понятие, предмет и система бюджетного права // Административное и финансовое право. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. – 2006. – Т.1. – С. 412-437.

6. Комягин Д. Л. Бюджетное право России: учеб. пособие. – М.: Институт публично-правовых исследований, 2011. – 352 с.
7. По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 155, п. 2 и 3 ст. 156 и абзаца двадцать второго ст. 283 Бюджетного кодекса РФ в связи с запросами администрации Санкт-Петербурга, законодательного собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и арбитражного суда Республики Хакасия: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 12-П // Российская газета. – 2004. – 25 июня.
8. Полосин С. А. Бюджетное принуждение в системе мер государственного принуждения: понятие, признаки, виды // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 1 (40). – С. 160-167.
9. Регламент Счетной палаты РФ: утв. Постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 7 июня 2013 г. № 3ПК) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru>.
10. Саттарова Н. А. О некоторых проблемах финансового права на современном этапе // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 3 (33). – С. 191-197.